PG 3361
.S36 P67

SHALIKOV, PEIR IVANOVICH
"

Povesti

ПОВѢСТИ

КНЯЗЯ ШАЛИКОВА.

МОСКВА.
въ Университетской Типографіи.
1819.

PG3361
.S36P67

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Марта 5 дня 1817 года. *Ординарный Профессоръ, Коллежскій Совѣтникъ и Цензоръ Михаилъ Снѣгиревъ.*

ПОВѢСТИ.

Роковое слово.

Леонсъ былъ замѣченъ въ свѣтѣ Эльминою — одною изъ сихъ женщинъ, которыя играютъ на блестящихъ театрахъ большаго свѣта довольно пріятную роль. . . . нѣкоторымъ умомъ, нѣкоторымъ талантомъ, нѣкоторыми познаніями, а болѣе всего рѣшительнымъ характеромъ *любезной вѣтреницы*. Леонсъ зналъ о славѣ Эльмины; видѣлъ ее вездѣ — въ модныхъ обществъ до ученыхъ собраній; смотрѣлъ на нее съ любопытствомъ; старался слышать разговоръ ея; примѣчалъ, какое дѣйствіе производилъ онъ на ея собесѣдниковъ, по большой части людей *отличныхъ*; находилъ его иногда важнымъ, часто остроумнымъ, всегда пріятнымъ, и желалъ чести быть съ нею знакомымъ.

Леонсъ родился съ тою необыкновенною чувствительностію сердца, съ тою чрезмѣрною нѣжностію души, отъ которыхъ человѣкъ — вопреки лѣтамъ и опытности — остается навсегда застѣнчивымъ какъ ребенокъ, внимательнымъ ко всякому, недовѣрчивымъ къ самому себѣ и совершенно стороннимъ въ большихъ обществахъ.

Но Леонсъ посѣщалъ ихъ — для того что любилъ заниматься разнообразіемъ людей, въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ; дѣлалъ наблюденія надъ другими — и собою; разбиралъ каждое впечатлѣніе чувствуемое и видимое, и возвратясь домой, приводилъ себѣ на память, съ перомъ въ рукѣ, каждую черту, достойную вниманія.

Воспитанный Музами, Леонсъ не былъ — по крайней мѣрѣ — неблагодарнымъ: онъ посвятилъ имъ жизнь свою. Иногда улыбка милыхъ богинь одушевляла труды его и надежды. — Въ свѣтѣ узнали о

новомъ писателѣ, и старое противорѣчіе во мнѣніяхъ заставляло говорить — однихъ: *Онъ имѣетъ дарованіе;* другихъ: *Онъ совсѣмъ безъ дарованія.* Но Леонсъ имѣлъ щастіе понравиться своими сочиненіями прекрасному полу — наилучшему судіи пріятныхъ талантовъ, и вдохновенный Граціями, приносилъ на олтарь ихъ жертвы достойныя. . . .

Леонсъ посѣщалъ большія общества, но рѣдко. — „Зачѣмъ я здѣсь?“ спрашивалъ иногда у самого себя посреди шумныхъ собраній: „вѣчное повтореніе одного и того же не приноситъ ни пользы, ни удовольствія. Физіономія свѣта мнѣ знакома; она не измѣняется, ибо не имѣетъ души; движеніе многолюдства подобно движенію Вокантсонова автомата, съ тою разницею что пружины послѣдняго несравненно любопытнѣе пружинъ перваго. Искуство въ образѣ природы безъ сомнѣнія лучше природы въ образѣ искуства!... и какъ можно быть привязаннымъ къ свѣту! . . . Въ свѣтѣ не знаете, за что

васъ ласкаютъ, за что обходятся съ холодностію.“ — И съ такими размышленіями спѣшилъ или въ тихой кабинетъ свой, или въ небольшой кругъ искреннихъ пріятелей.

Обращаясь къ *Эльминіи*, вспоминаю слѣдующее мѣсто въ *Энциклопедіи*, подъ статьею *Женщины*: „Одна женщина ве„лѣла написать портретъ свой. Чего не „доставало ей къ совершенной красотѣ, „было именно то, что содѣлывало ее „прелестною. Но она хотѣла, чтобы „увеличили красоту ея, не отнимая ни„чего отъ ея прелестей; хотѣла, чтобы „въ одно время живописецъ отступилъ „отъ истины, и портретъ былъ бы „сходенъ. Всѣ женщины“ — прибавлено — „таковы для писашеля, который дол„женъ говорить объ нихъ.“

И такъ не буду *живописцемъ* Эльмины, но скажу только, что она узнала Леонса по случаю одного *мадригала*, написаннаго имъ хозяйкѣ бала, на кото-

ромъ Эльмина была вмѣстѣ съ Леонсомъ. Мадригалъ показался ей щастливымъ; Авторъ — думаю такъ — Вольтеровымъ *Простосердомъ* (*). Эльмина взглянула на Леонса съ улыбкою одобренія; похвалила стихи, возвращая хозяйкѣ *розовую* бумажку, на которой они были написаны, и не сказала ни слова Поэту.

Леонсъ, на другой день поутру, отыскалъ въ библіотекѣ своей любопытную книжку, переведенную Эльминою, и читалъ съ особеннымъ вниманіемъ, хотя уже и не въ первый разъ, желая познакомиться короче съ ея талантомъ, предчувствуя что будетъ знакомъ съ ея особою. Упражненіе въ литературѣ при свѣтской разсѣянности казалось ему чрезвычайною прелестію въ молодой женщинѣ. Онъ любилъ мечтать о тѣхъ славныхъ женщинахъ, у которыхъ собирались авторы; которыя были ихъ Меценатами; съ которыми одушевлялись умъ

(*) L' Ingènu, извѣстная Вольтерова повѣсть.

и чувства, образовались вкусъ и дарованія, — мечталъ и думалъ въ пріятной надеждѣ: „Можетъ быть и у насъ отворятся двери будуаровъ для дароваяій!“

Вскорѣ послѣ того, увидѣвши Эльмину въ одномъ изъ ученыхъ публичныхъ собраній, Леонсъ поклонился ей. Когда окончилась лекція, Эльмина подозвала къ себѣ Леонса, спросила о томъ, о другомъ, и напослѣдокъ пригласила его обѣдать. — „У меня будутъ сегодня нѣкоторые изъ нашихъ писателей;“ сказала она съ пріятною улыбкою „ожидаю васъ.“

Леонсъ съ обыкновенною робостію входитъ въ гостиную, но любезная хозяйка ободрила его ласковымъ привѣтствіемъ; двѣ или три дамы, извѣстныя ему по публикѣ; пять или шесть человѣкъ мущинъ, въ числѣ которыхъ были въ самомъ дѣлѣ писатели, имъ уважаемые, послѣдовали ея примѣру, и Леонсъ радовался щастливому началу желаннаго знакомства.

Передъ обѣдомъ явились новыя лица: путешественники, артисты и проч. Коротkость, простота, свобода были главнымъ характеромъ Эльминина общества; Леонсъ плѣнялся имъ, а еще болѣе хозяйкою; говорилъ самому себѣ, что любезнѣйшая мечта его исполняется на дѣлѣ; благодарилъ изъ глубины сердца за каждое вниманіе хозяйки, за каждую учтивость гостя, и заключилъ тайный договоръ съ самимъ собою — быть у Эльмины какъ можно чаще, — всякой разъ, когда только представится случай къ тому. Эльмина утвердила сей договоръ магическими словами: „Желаю“ — сказала она, когда Леонсъ, взявъ шляпу, выходилъ изъ гостиной“ — желаю, чтобы вы находили у меня то удовольствіе, которое мнѣ доставили своимъ посѣщеніемъ; обѣщайтесь быть *нашимъ*.“ — Леонсъ поцѣловалъ руку ея — такъ выразительно, что не было нужды въ другомъ выраженіи.

Каждую недѣлю Леонсъ обѣдалъ у Эльмины три или четыре раза; каждый

разъ находилъ тѣхъ же самыхъ людей, и тѣ же самыя удовольствія; почти вездѣ былъ вмѣстѣ съ нею: на пикникахъ, на гуляньяхъ, на завтракахъ, въ спектакляхъ. Разные случаи подавали Леонсу матерію для легкихъ сочиненій, въ стихахъ и прозѣ, которыя читались въ кругу Эльмины; ея одобренія казались ему вѣнкомъ Капитолійскимъ. Умъ и чувство одушевляются разборчивою похвалою прелестныхъ устъ болѣе, нежели *наградою* Академій. Леонсъ писалъ и думалъ, что утверждаетъ *дружество* съ Эльминою нѣкоторыми успѣхами, а всего болѣе пламеннымъ стараніемъ нравиться ей.

Свѣтскимъ женщинамъ нравится — новость. Новый человѣкъ имъ пріятенъ такъ точно, какъ новые наряды, новая мебель, новый экипажъ; удовольствіе новости важнѣе для свѣта многихъ и лучшихъ удовольствій. Леонсъ зналъ объ этомъ, но помнилъ правило, что нѣтъ правила безъ исключенія. Мы слишкомъ охотно исключаемъ все для насъ невыгодное!

Проходитъ годъ — и Леонсъ не видитъ иной перемѣны, кромѣ той которая оказывалась въ его пользу: съ нимъ становятся *откровеннѣе;* ввѣряютъ ему нѣкоторыя *тайны;* говорятъ при немъ *смѣло* объ отсутствующихъ; требуютъ его мнѣнія; иногда рѣшенія, а всего чаще — согласія. Благодарный Леонсъ почиталъ однакожь все это за *обыкновенное времяпровожденіе;* отвѣчалъ, шутилъ, смѣялся — безъ цѣли, безъ намѣренія. . . для одного невиннаго и общаго удовольствія.

Проходитъ еще годъ — и Эльмина предпочитаетъ Леонса многимъ изъ своего общества; тому оказывается холодность; другому — неуваженіе; всѣ болѣе или менѣе терпятъ *заочно* отъ строгаго суда Эльмины. За то люди, которыхъ прежде судила она строго, пріобрѣтаютъ ея благосклонность; Леонсъ пользуется ею непрерывно, съ новыми отъ времени до времени доказательствами оной, — даже съ нѣкоторымъ энтузіаз-

момъ. . . . Но Леонсъ не радуется щастливому для него перевороту, ибо страшится — печальной очереди; однакожь успокоиваетъ, ободряетъ себя — посредствомъ самолюбія. Не льзя лучшаго — обманщика въ нѣкоторыхъ, или справедливѣе сказать во всѣхъ случаяхъ! Оно увѣритъ васъ, въ чемъ захочетъ, какъ сущаго младенца, хотя бы вы были старѣе Нестора.

Эльмина при всякой перемѣнѣ въ знакомствѣ (*) была живѣе, веселѣе; Леонсъ напротивъ того чувствовалъ скуку и принужденность съ каждымъ *гостемъ* въ ея *дружескомъ* обществѣ. Нѣжному сердцу нужна *привязанность*; она его стихія; безъ нее нигдѣ и ни въ чемъ не находитъ оно истинныхъ удовольствій: люди, мѣсто, забавы, упраж-

(*) Въ нашемъ богатомъ языкѣ, не имѣющемъ однакожь многихъ словъ для многихъ идей, нѣтъ также слова: engouement, равно какъ и enthouſiasme.

ненія — все требуетъ отъ него привязанности; все *давно знакомое* милѣе для нѣжнаго, чувствительнаго сердца.

Въ концѣ третьяго года Леонсъ не узнавалъ Эльминина общества. Эльмина вошла совсѣмъ въ новыя связи. Изъ прежнихъ *друзей* являлись очень не многіе, и очень рѣдко. Леонсъ видѣлъ почти одного себя, но за то уже гораздо далѣе отъ куримаго имъ божества; не понималъ того, что происходило; искалъ причины — и не находилъ. Эльмина стала къ нему очевидно равнодушнѣе; вмѣсто пикниковъ, завтраковъ, прогулокъ, спектаклей говорила о хозяйствѣ, о фабрикахъ, о доходахъ; вмѣсто стиховъ и прозы занималась счетами; вмѣсто авторовъ показались промышленники. Леонсъ не переставалъ удивляться. Но съ общею перемѣною перемѣнились и чувства его: онъ сталъ молчаливъ, задумчивъ, скученъ; пріѣзжалъ къ Эльминѣ уже не такъ часто; былъ принимаемъ не такъ уже ласково; иногда изъявляли ему неудоволь-

ствіе; иногда пренебреженіе. При встрѣчѣ въ большихъ общесшвахъ Эльмина избѣгала взоровъ его; кланялась нехотя, отвѣчала сухо. Леонсъ удалялся, но сохранялъ всю учтивость, все почтеніе; сердился — на случай, который уничтожалъ пріяшнѣйшую мечту его, — на легкомыслiе, которымъ допустилъ себя обольсшиться — и только.

Мы сказали, что Леонсъ былъ робокъ, застѣнчивъ, не довѣрчивъ къ самому себѣ; прибавимъ еще къ этому, что онъ первую молодость свою провелъ въ арміи, и замѣтимъ, что есть свойства, которыхъ никакія обстоятельства, никакіе примѣры перемѣнить не могутъ. Леонсъ оставилъ службу, съ пріобрѣтеніемъ важныхъ опытовъ жизни, но потерялъ многія средства къ успѣхамъ въ свѣтѣ. Отъ этаго происходило, что съ *учеными* онъ немогъ говоришь свободно о предметахъ, довольно ему извѣстныхъ; отъ этаго происходило, что съ *дамами* онъ не могъ безъ замѣшательства изъяснять-

ся на иностранныхъ языкахъ, которые зналъ очень хорото. Надобно было слышать Леонса въ бесѣдѣ *пріятельской*, въ кругу домашнихъ, а особливо между *четырехъ глазъ*. . . . Большая невыгода въ свѣтѣ!

Человѣкъ, подобный Леонсу, пользуется въ свѣтѣ только одною выгодою, можетъ быть стоющею многихъ: истиннымъ уваженіемъ тѣхъ людей, которые знаютъ его *коротко*, во всемъ пространствѣ слова, и сами достойны уваженія.

Добрый Леонсъ встрѣтился съ таинственною Эльминою на одномъ блестящемъ балѣ, не видавъ ее съ мѣсяцъ, — и обрадовался искренно. Глубокое впечатлѣніе въ чувствительной душѣ остается, вопреки разсудку и случаямъ, очень, очень долго. Леонсъ къ Эльминѣ подходилъ нѣсколько разъ; говорилъ, шутилъ по прежнему, и не хотѣлъ, по *нѣжному эгоизму*, замѣчать дѣйствія, производимаго имъ на ея чувства, — эгоизму, до-

вольно извинительному въ подобномъ случаѣ. Но *Эльмина* была *милостива*; Леонсъ — снова легкомысленъ; онъ мирится съ нею въ душѣ своей; увѣряетъ самого себя, что *капризы* женщинъ — капризы, и ничего болѣе; что не должно опасаться ихъ слѣдствій; что сіи слѣдствія не рѣдко бываютъ новою благосклонностію, и проч. и проч.

По окончаніи пріятнаго размышленія онъ проситъ *Эльмину* танцовать, но къ нещастію проситъ, изъ уваженія къ обычаю, на иностранномъ языкѣ, въ которомъ дѣлаетъ ошибку противъ *употребленія!* . . . *Эльмина*, которая на ту пору была въ кругу самыхъ свѣтскихъ, самыхъ модныхъ людей, *Эльмина* подала руку съ явнымъ движеніемъ сильнаго неудовольствія; стала съ грубостію выговаривать Леонсу за ужасную ошибку; сказала презрительно, что слышали и повторили ее; и танцовала со всѣми знаками нетерпѣливаго желанія скорѣе окончить. . . . Леонсъ *оскорбился* въ первый

еще разъ, и простился съ Эльминою въ послѣдній — и навсегда.

Польза, которую надѣялся Леонсъ извлечь изъ сего неблагопріятнаго случая, была та, что онъ тотчасъ разстался еще съ одною или двумя женщинами, которыя походили на Эльмину.

„Какія существа!“ говорилъ часто Леонсъ самому себѣ, при мысли о нѣкоторыхъ свѣтскихъ женщинахъ, даже о мущинахъ: „одного слова довольно для связи или разрыва съ сими удивительными существами!“

Адина и Теофилъ.

Я желала бы умереть! — сказала Адина своимъ подругамъ, которыя говорили о недостаткахъ красоты, какъ обыкновенно говорится — съ колкими насмѣшками.

Адина была дурна лицомъ, и слова: *Я желала бы умереть!* сказала такимъ образомъ, что Теофилъ, любезный молодой человѣкъ, который случился въ этомъ обществѣ, былъ тронутъ ими до глубины сердца.

„Ты не хороша!“ — подумалъ онъ, взглянулъ на Адину съ душевнымъ умиленіемъ „— твои жестокія подруги затмѣваютъ тебя, превозносятся надъ тобою, даютъ тебѣ чувствовать свои преимущества и твое униженіе!“ И какой-то внутренній голосъ повторялъ добросердечному молодому человѣку: *Возьми ее подъ свою защиту.*

Теофилъ давно зналъ Адину, зналъ съ обыкновеннымъ равнодушіемъ мущины къ непригожей женщинѣ — и болѣе ничего. Но съ этой щастливой минуты Теофилъ обратилъ на Адину все вниманіе сердечнаго участія; сталъ разсматривать лицо ея, и нашелъ въ немъ пріятности; сталъ прислушиваться къ словамъ ея, и нашелъ ихъ остроумными; сталъ замѣчать характеръ ея, и нашелъ его любезнымъ.

Адина дѣйствительно имѣла все то, что Теофилъ находилъ въ ней, но достоинства такого рода, въ *отсутствіи красоты*, подобны *кладу*: надобно *искать* ихъ, а кто захочетъ безъ *побудительной* причины!

Адина произвела сію побудительную причину въ сердцѣ Теофила — и довольно. Мало по малу всѣ красавицы стали казаться ему дурными, или почти дурными, ежели ни чѣмъ не были похожи на Адину; всѣ дурныя стали казаться

красавицами, и красавицами совершенными, если были хотя немного похожи на Адину. Таковъ энтузіазмъ сердца, и такъ мило, привлекательно все сходное съ любезнымъ для него, и прошивно, отвратительно все не сходное!

Чѣмъ короче узнавалъ Теофилъ Адину, тѣмъ болѣе узнавалъ — истинныя достоинства. Будучи дѣвушкою въ осьмнадцать лѣтъ, она покоила и ублажала престарѣлую бабушку, которою воспитывалась и у которой жила по смерти отца и матери; управляла домомъ, вела хозяйство, помогала бѣднымъ, смотрѣла за больными и не пропускала ни одного случая къ доброму дѣлу; не гордилась талантами, которые имѣла, не тщеславилась познаніями, которыя пріобрѣла. Нѣжность чувства, кротость нрава, основательность ума и разсудка — вотъ чѣмъ *украсила* ее природа; но вѣтреный свѣтъ требуетъ другихъ прелестей, и потому скромная, благоразумная Адина удалялась отъ свѣта;

книги и арфа были для нее — обществомъ, но во сто разъ пріятнѣйшимъ обыкновеннаго.

Между тѣмъ читатели — ежели только есть они — читатели, говорю, не могли не замѣтить, съ перваго слова, которымъ началось повѣствованіе объ Адинѣ, что она не была *равнодушна* къ презрѣнію, дурнымъ лицомъ возбуждаемому — безъ сомнѣнія въ дурномъ сердцѣ; но хорошія такъ рѣдки, а чувствительность такъ нѣжна, что было бы не справедливо приписывать ее, въ этомъ случаѣ, смѣшной суетности — нѣтъ! оскорбленіе все оскорбленіе, отъ чего бы оно ни происходило, къ чему бы ни относилось.

И такъ Адина не хотѣла подвергаться презрѣнію и сносить оскорбленія, а еще менѣе пересилить *наглостію* то и другое — по примѣру многихъ женщинъ въ большомъ свѣтѣ; но хотѣла и старалась вознаградить недостатки на-

ружной красоты — внутренними: тѣмъ достойнѣе любви и почтенія моя героиня!

Не должно однакожь представлять себѣ, что она была безобразна — совсѣмъ нѣтъ; она была только не хороша лицомъ, но имѣла умные и пріятные глаза, стройный станъ, видный ростъ, а что лучше многаго — здоровье и свѣжесть.

Теофилъ чувствовалъ напослѣдокъ такую любовь и такое почтеніе къ Адинѣ, какія рѣдко, весьма рѣдко приносятся красотѣ; ибо съ нею рѣдко, весьма рѣдко бываютъ соединены другія достоинства; красавицы не радѣютъ объ нихъ, не уважаютъ ими, и думаютъ: *На что они намъ?* . . . Неучтивое время поднимаетъ очаровательную завѣсу — откроется заблужденіе . . . . поздно! безполезно! . . . все кончилось съ минутнымъ владычествомъ наружной красоты! . . . Но Адинѣ ли страшиться не умолимаго старца! Она говоритъ съ Деліей:

О время! знаю власть закона твоего:
Всѣ прелести лица уносишь ты съ собою;
Но нѣжность сердца моего
Останется со мною.

И можетъ прибавить:

А тотъ, кто сердцу милъ,
Меня за нѣжность полюбилъ (*).

Адина ясно видѣла, что она любима, и безъ труда угадывала, за что. Могъ ли не быть и для нее милымъ человѣкъ, который — совсѣми правами требованій на красавицъ — предпочелъ красотѣ достоинства! могъ ли онъ самъ не имѣть ихъ?

Теофилъ съ каждымъ днемъ открывалъ новую прелесть въ характерѣ — даже въ лицѣ Адины. Не мудрено! глаза *привыкаютъ* ко всякому лицу равномѣрно. Выгода, которую можетъ сохранить, или пріобрѣсть оно, зависитъ не отъ собственной красоты его, но отъ красоты душевной. Сія послѣдняя *переходитъ*

(*) Изъ Сочиненій Н. М. Карамзина.

на лицо, и переходитъ съ тѣмъ, чтобы никогда не оставлять его, въ то время когда первая *разстается* съ нимъ, и разстается невозвратно.

Адина съ каждымъ днемъ (Теофилъ былъ у Адины почти каждый день) удостовѣрялась болѣе и болѣе въ истинной привязанности Теофила. Не красота, не богатство были кумиромъ его поклоненія: Адина съ дурнымъ лицомъ не имѣла хорошихъ доходовъ; но Адина обладала сокровищами, несравненно драгоцѣннѣйшими — читатели знаютъ, какими; знаютъ и то, что сіи сокровища не столь рѣдки, какъ сокровища Крезовы, но что *рѣдкимъ* извѣстно, чего они стоятъ, и потому *не многіе* прельщаются ими!

Теофилъ принадлежалъ къ рѣдкимъ, къ немногимъ людямъ въ этомъ отношеніи: съ большимъ достаткомъ, съ привлекательною наружностію, съ блестящимъ воспитаніемъ, съ пріятными талантами онъ женился — на Адинѣ;

на Адинѣ, которая вѣрно осталась бы навсегда въ печальномъ одиночествѣ, если бы *вовсе* не было подобныхъ Теофилу.

За то онъ былъ такъ щастливъ, какъ не многіе бываютъ. Адина, съ своей стороны, принадлежала къ малому числу тѣхъ женщинъ, которыя сотворены для нашего блаженства, во всей силѣ этаго слова; которыя, ставши супругами, становятся нѣжнѣйшими друзьями; которыя съ званіемъ матерей исполняютъ всѣ обязанности сего священнаго званія; которыя съ заботами хозяйки соединяютъ заботу о благосостояніи домашнихъ; которыя, наконецъ, съ щастіемъ другихъ щастливы сами. Признательный Теофилъ смотрѣлъ на добродѣтельную Адину и думалъ:

Прекрасное глазамъ какъ цвѣтъ весенній пленно;
Прекрасное душѣ какъ мраморъ неизменно (*).

(*) Изъ Сочиненій Н. М. Карамзина.

Онъ даже велѣлъ поставить въ саду передъ окнами Адининой уборной комнаты бѣлую, мраморную колонну съ сею трогательною надписью, имъ самимъ начертанною — изящный памятникъ!

Любовь и таланты.

„Любовь очинила карандашь первому „живописцу“ — сказано въ одномъ мѣстѣ книги о *Разумѣ*.

Вѣрю охотно, и думаю, что всѣ изящные таланты обязаны происхожденіемъ и совершенствомъ своимъ любви единственно; любви — сему божественному огню души человѣческой; сему обильному источнику благородныхъ чувствованій; сей великой пружинѣ творческаго Генія; сей второй жизни существа моральнаго — однимъ словомъ: причинѣ и цѣли бытія нашего! Что же можетъ быть могущественнѣе любви и прекраснѣе дѣлъ ея?

Слѣдующая повѣсть заслуживаетъ нѣкоторое вниманіе читателей — по новой чертѣ въ исторіи любви.

Нанина родилась въ одной изъ нашихъ провинцій — конечно не подъ такимъ свѣтлымъ небомъ, какъ небо Греціи, не на такихъ цвѣтущихъ берегахъ, какъ берега Италіи, но родилась, подобно древней Сафѣ и новой Коринѣ, съ живымъ воображеніемъ, съ чувствительнымъ сердцемъ, съ дѣятельною душею; взросла, подобно большой части своихъ соотечественницъ, безъ особеннаго воспитанія; но Природа, вездѣ всесильная равномѣрно, нарекла ее *своею* дочерью, и повела собственною рукою по темной стезѣ жизни.

Первою страстію Нанины было чтеніе; первымъ образованіемъ ума ея были книги, привозимыя нашими рапсодами въ провинціи. Нанина училась Французскому языку очень мало; не имѣла случая заниматься имъ ни въ сочиненіяхъ, ни въ обществѣ, и долженствовала ограничить начало своего литературнаго просвѣщенія дурными переводами дурныхъ подлинниковъ. Къ нещастію для Нанины въ сію эпоху *чудесные* романы самой не-

романической страны въ свѣтѣ, Англіи, приносили — покрайней мѣрѣ у насъ — лучшую прибыль въ торговлѣ умомъ и безуміемъ человѣческимъ.

Уже Нанина была въ совершенномъ возрастѣ, но оставалась на ряду съ прочими своими подругами: ничто ее не отличало отъ нихъ. Такъ скрывается драгоцѣнный алмазъ въ обыкновенномъ видѣ простаго камня, до тѣхъ поръ пока не попадется въ руки ювелира, который снимаетъ съ него грубую кору, и украшаетъ имъ царскую діадему. Случай и обстоятельства дѣлаютъ съ человѣкомъ то же. *Полное сіяніе* души, добродѣтелей, талантовъ, генія зависитъ единственно отъ возможной благопріятности обстоятельствъ и случаевъ. Сколько моральныхъ *алмазовъ* навсегда осталось въ корѣ своей!

Нанина пріѣхала въ столицу — новый театръ, новые актеры, новые зрители, новыя идеи и впечатлѣнія! Нѣтъ спосо-

бу слѣдовать за сердцемъ человѣческимъ во всѣхъ перемѣнахъ его состоянія; подробности такого рода многочисленны, слѣдовательно утомительны. Оставимъ Нанину чувствовать то, чего она еще не чувствовала; мыслить о томъ, о чемъ она еще не мыслила; заниматься тѣмъ, чѣмъ она еще не занималась, и скажемъ, что Нанина, посредствомъ родственниковъ, которыхъ имѣла въ столицѣ, завела хорошія знакомства и являлась въ блестящія общества.

Явленіе новаго лица, а особливо женскаго, даже не самаго прекраснаго, составляетъ, какъ извѣстно, не маловажное происшествіе во всякомъ обществѣ, и потому Нанина была нѣкоторое время предметомъ любопытства; шептали другъ другу, спрашивали другъ друга: Кто? откуда? — и посматривали на нее — одни скромно, другіе нескромно.

Хорошали ли, ловка ли была Нанина? — Пріятное лицо, одушевленное

внутреннимъ чувствомъ, и живые, огненные взоры составляли всю красоту ея; а по входу и разговорамъ Нанины свѣтскіе люди видѣли тотчасъ, что она всегда жила въ деревнѣ, или въ провинціи — какъ угодно: розницы нѣтъ. Но за то какая большая розница между смѣлою дѣвушкою, образованною въ школѣ *лучшаго тона*, и робкою дочерью безыскусственной природы! Сколько выигрываетъ одна передъ другою! Правда, что этотъ выигрышь, по большой части, состоитъ въ *жетонахъ*, на которые не льзя ничего купить; но какая нужда? хорошій свѣтъ платитъ дурною монетою, но все *платитъ*, и довольно. Въ республикѣ Спартанской были желѣзныя деньги, подобно сердцамъ ея согражданъ. . . . Правда также, что Лакедемонцы *крали* другъ у другъ вещи необходимыя; но это можетъ быть по иной причинѣ.

Въ одномъ изъ сихъ обществъ, которыя по справедливости называются *блестящими*, Нанина замѣтила человѣ-

ка, отличнаго отъ прочихъ видомъ, физіономіею, скромностію, обхожденіемъ. Нанина смотрѣла на незнакомца болѣе нежели на другихъ, долѣе нежели на женщинъ, внимательнѣе нежели на уборы; примѣчала каждое движеніе незнакомца болѣе нежели самое строгое требованіе моды; занималась въ душѣ своей незнакомцемъ болѣе нежели собственными выгодами въ проницательныхъ глазахъ свѣта. Но свѣтъ бываетъ такъ мраченъ для сердца, когда не *тотъ* обращаетъ на насъ вниманіе, *кто* нужнѣе сердцу всего и всѣхъ!

Къ неизъяснимому удовольствію Нанины, незнаконецъ подошелъ къ ея пріятельницѣ, съ которою былъ знакомъ довольно коротко. Въ разговорѣ съ послѣднею онъ взглянулъ раза три на первую, и ожидалъ ея *мнѣнія* о томъ, что было предметомъ разговора. Нанина сказала слова три, и чувствовала какое-то замѣшательство, какую-то принужденность, болѣе нежели когда-нибудь, не

взирая на глубокую вѣжливость незнакомца.

Нанина почти обрадовалась, когда онъ удалился. Пріятельница, замѣтивъ происшедшее, разсмѣялась. — „Ты не знаешь, кто это?“ спросила она. Не знаю, — отвѣчала Нанина. — „Нѣтъ, ты знаешь его,“ продолжала пріятельница „и говорила объ немъ со мною.“ Нанина увѣряла, что видитъ его въ первый разъ. — „И сердце твое не узнало человѣка, которымъ такъ часто оно восхищается!“ Нанина слушала съ разсѣяніемъ, потупляла взяры, опять глядѣла на свою пріятельницу и, казалось, не смѣла требовать изъясненія. Нанина хотѣла угадать, о комъ говорятъ съ нею — и неугадала. Живыя внутреннія движенія обыкновенно мѣшаютъ дѣйствію душевныхъ способностей.

„И такъ ты не знаешь этаго человѣка?“ сказала пріятельница: „Одно слово откроешъ всю тайну. Нанина! при-

говься къ радости. . . . Ты видѣла передъ собою . . . . любезнѣйшаго Поэта; любезнѣйшаго и для тебя и для всѣхъ . . . Можешь ли теперь наименовать его?“ Нанина молчала. — „Ты говорила . . . . съ Агатономъ . . . Обними же меня, Нанина!“ Нанина съ улыбкою благодарности и съ румянцомъ на щекахъ поцѣловала свою пріятельницу, которая шутила надъ нею — какъ пріятельница.

Нанина во весь вечеръ была задумчива, молчалива, разсѣянна. Нужно ли сказывать, куда наиболѣе устремлялись взоры ея; чего они наиболѣе искали? Подобныя минуты въ жизни человѣческой извѣстны каждому человѣку, одаренному чувствомъ истиннымъ, превосходнымъ, небеснымъ. Другіе люди — люди, и только! Можетъ быть они *счастливѣе* перваго; но Богъ съ ними и съ ихъ щастіемъ! . . . Подобные случаи, подобныя минуты имѣютъ различный конецъ: посмотримъ, каковъ будетъ для моей героини.

Вѣжливый Агатонъ кланялся Нанинѣ всякой разъ, когда встрѣчался съ нею, и всякой разъ подходилъ къ ея пріятельницѣ, когда онѣ были вмѣстѣ. Наконецъ сія послѣдняя, въ роковую минуту для первой, познакомила ея съ Агатономъ, любезнымъ, милымъ, плѣнительнымъ — не въ однихъ *сочиненіяхъ*, но и въ обращеніи, но и въ поступкахъ.

Я сказалъ въ *роковую минуту*: такъ конечно; ибо съ этой минуты всѣ желанія, все щастіе, все честолюбіе Нанины заключились въ успѣхѣ понравиться Агатону. Она распрашивала *мимоходомъ* свою пріятельницу о всѣхъ обстоятельствахъ, о всѣхъ подробностяхъ жизни его и характера, и къ тайной горести сердца своего узнала, что Агатонъ рѣшительно предпочитаетъ спокойствіе одиночества и пріятность наукъ всѣмъ другимъ удовольствіямъ душевнымъ; узнала въ то же время о двухъ или о трехъ женщинахъ, извѣстныхъ въ свѣтѣ по красотѣ или

по богатствѣ, которыя желали брачныхъ узъ съ Агатономъ, но которыхъ — поблагодарилъ онъ за честь, ему оказанную, и только.

„Что дѣлать? къ чему прибѣгнуть?“ думала Нанина — можетъ быть не прямо такимъ образомъ, но безъ сомнѣнія очень близко къ нему — всякой разъ, когда занималась равнодушнымъ Агатономъ. — „Пріобрѣсть таланты и плѣнить ими!“ отвѣчалъ ей внутренній пророческій голосъ, не перемѣнявшій языка своего, всякой разъ когда Нанина обращала мысли на пылающую страсть свою. Я говорю *пылающую страсть*: мудрено ли! она не требуетъ *пространства* времени; для нее довольно одной *точки* въ немъ — и собственная сила возноситъ истинную страсть на степень высочайшую.

Но что составляетъ эту силу страсти, которую назвавши *истинною*, различаю отъ *чувственной*, и слѣдовательно разумѣю *моральную*; ибо чув-

ственная и моральная страсть любви, не взирая на чрезвычайное *наружное* сходство ихъ, — не одно и то же. Первой нужно только *обладаніе* предметомъ ея; другой необходимо нужна *взаимность*. Первая смѣшивается безъ разбора съ *желаніемъ*; другая всегда удерживаетъ имя *свое*, равно какъ и свойство. И такъ повторяю вопросъ: Что составляетъ силу истинной страсти? Не можетъ ли служить отвѣтомъ слово *взаимность*? Сколько вещей и понятій заключается въ этомъ простомъ и обыкновенномъ словѣ! Одинакіе вкусы, одинакой образъ мыслей, одинакія склонности, одинакія качества, одинакія добродѣтели — короче: два человѣка, созданные какъ будто нарочно другъ для друга! Прибавьте къ сему тайное, непреоборимое влеченіе сердецъ, которое именно существуетъ въ природѣ — и можетъ быть все объяснится.

Замѣтимъ еще, что бѣдственное сходство *страсти* съ *желаніемъ* есть

источникъ всѣхъ нещастій въ любви супружеской. Участь слабаго человѣка — ошибаться въ *чувствуемомъ* такъ же, какъ и въ умспвенномъ! Но любовь щастливѣйшая и вѣчная — ежели можно только что-нибудь земное назвать *вѣчнымъ* — должна имѣть основаніемъ своимъ достоинства нравственныя, а продолженіемъ — пріятности физическія: соединеніе, нужное необходимо для любви щастливѣйшей и вѣчной!

Нанина окружила себя учителями языковъ, словесности, искуствъ и художествъ; занималась ими со всею дѣятельностію души своей, со всею чувствительностію сердца, со всею живостію воображенія. Нанина не являлась болѣе въ свѣтѣ; но въ немъ скоро явились прекрасные стихи ея, ученыя сочиненія, а пріятели увидѣли масперскія произведенія иглы ея и кисти.

Первымъ плодомъ успѣха въ семъ очаровательномъ твореніи новаго Про-

метея — человѣка — былъ портретъ Агатона, похожій до чрезвычайности, и превосходная картина, вышитая по тонкой ткани. Не удивляйтесь, или удивляясь, не почитайте сказаннаго мною невѣроятнымъ: *ибо что можетъ быть могущественнѣе любви и прекраснѣе дѣлъ ея!*

Агатонъ читаетъ прекрасные стихи, ученыя сочиненія Нанины, и слышитъ о славѣ ея въ искуствахъ и художествахъ; но Агатонъ ни гдѣ не встрѣчается съ Наниною. Мысли о столь необыкновенномъ явленіи на горизонтѣ дарованій возбуждали въ сердцѣ Агатона нетерпѣливое желаніе видѣть Нанину. Онъ зналъ, что она живетъ въ уединеніи, — съ однѣми только Музами; но возвратится ли Нанина въ общества — этаго не зналъ Агатонъ. Отъ перваго его свиданія съ нею до эпохи извѣстности ея въ ученомъ свѣтѣ прошло лѣтъ пять или шесть. Пять или шесть лѣтъ въ жизни человѣка тридцати-лѣт-

няго производятъ нѣкоторыя ощутительныя перемѣны — я говорю объ Агатонѣ.

Съ наступленіемъ осьмой люстры онъ сталъ чувствовать новыя потребности сердца: одиначество стало казаться Агатону похожимъ на сиротство; любовь къ наукамъ стала терять свою очаровательность. Иногда глубокой вздохъ, иногда мучительная скуку давала ему познавать, что чего-то не достаетъ душѣ его. Но Агатонъ предпочиталъ состояніе свое всякому другому, и оставался твердымъ въ мнѣніи, которое имѣлъ объ немъ.

Съ Наниною происходило совсѣмъ иное. Первыя чувства души ея, первыя потребности сердца, удалившія ее отъ свѣта и предписавшія ей образъ жизни и родъ упражненій, извѣстныя читателямъ, заставили ее снова явиться въ свѣтѣ, какъ скоро она могла сказать самой себѣ: *Уже время!* . . . Тамъ бы-

ла цѣль и причина всѣхъ помышленій, всѣхъ намѣреній и всѣхъ ея дѣйствій; тамъ надлежало или одержать побѣду, или . . . умереть побѣжденною! Для такого сердца, для такой души, какія имѣла Нанина, нѣтъ *средины* въ рѣшительныхъ чувствахъ души и сердца: героизмъ, достойный, по мнѣнію моему, уваженія не менѣе всякаго другаго! Великое въ нравственности, какъ и во всемъ прочемъ, потому велико, что рѣдко, не обыкновенно, чрезвычайно; а характеръ Нанины, можетъ быть очень не совершенно, очень слабо начертанный мною, принадлежалъ къ рѣдкимъ, необыкновеннымъ, чрезвычайнымъ характерамъ: она *героиня* . . . . не потому только, что представляетъ главное лицо въ сей повѣсти; но героиня — въ исторіи женщинъ.

И такъ Нанина явилась опять въ свѣтѣ, гдѣ заочно питала воспоминанія о себѣ славою успѣховъ своихъ на блестящемъ поприщѣ талантовъ, чуж-

дыхъ вообще женщинамъ и вообще желаемыхъ мущинами. Свѣтъ принялъ Нанину съ тою *двусмысленною* благосклонностію, которая оказывается въ извѣстныхъ случаяхъ по хитрому разсчету его собственныхъ выгодъ.

Но оставимъ свѣтъ — сего истиннаго Протея, принимающаго видъ и краски отъ ума и дурачества, отъ добродѣтелей и пороковъ, отъ красоты и безобразія, — отъ каждой вещи, отъ каждаго предмета, вмѣстѣ, порознь и попеременно вводимыхъ невидимою, но господствующею надъ свѣтомъ волшебницею, извѣстною подъ тройнымъ именемъ *моды, приличія, употребленія*, и обратимся къ Агатону, достойному вниманія не менѣе сей земной *Гекаты*.

Наконецъ онъ увидѣлъ Нанину и подошелъ къ ней. Первыя взаимныя учтивости мало по малу стали принимать свойство взаимной искренности, которая нечувствительно обратилась въ ка-

кую-то довѣренность съ обѣихъ сторонъ. Агатонъ изъявлялъ уваженіе къ дарованіямъ Нанины самымъ лестнымъ образомъ; Нанина благодарила Агатона въ пріятнѣйшихъ выраженіяхъ. Онъ находилъ въ ней щастливыя перемѣны — тона, языка, движеній, взоровъ: дѣйствіе тѣхъ пріобрѣтеній, которыя стоили Нанинѣ пятилѣтняго удаленія отъ предмета всѣхъ ея желаній. Присоедините къ этому *новое* расположеніе души Агатоновой, о которомъ сказали мы при послѣднемъ обращеніи на сего интереснаго человѣка — и вы нимало не подивитесь, что онъ захотѣлъ быть съ Ниниою какъ можно чаще.

Случаевъ къ тому не недоставало; а тайныхъ, сердечныхъ побужденій — искать сихъ случаевъ — еще болѣе. Сила талантовъ и достоинствъ, почти не разлучныхъ съ ними, дѣйствовали на Агатона, подобно солнцу на цвѣты, созданные для приятія благотворныхъ его вліяній. Любовь и постоянство души

необыкновенной, слѣдовательно любовь и постоянство необыкновенныя, располагали всѣми чувствами, мыслями и поступками Нанины.

Говорено, повторяемо и признано за истину, что люди, могущіе производить изящное, — изящны болѣе или менѣе сами: вотъ точка нравственнаго соединенія Нанины и Агатона. Имъ уже не возможно было разлучиться не только на всю жизнь, но даже ни на одинъ день, ни на одинъ часъ; и для того Нанина и Агатонъ, послѣ соединенія нравственнаго, соединились узами брака, священнаго и неразрывнаго въ смыслѣ полномъ и строгомъ только для людей, подобныхъ Нанинѣ и Агатону; ибо щастіе ихъ не зависѣло ни отъ чего сторонняго; оно было въ душѣ, въ сердцѣ, въ любви и талантахъ жены и мужа!

Какое рѣдкое супружество! какой источникъ наслажденій! какъ благодарила Нанина своимъ *способностямъ!* какъ

доволенъ былъ Агаѳонъ *перемѣною* своей жизни!

„Ахъ! кто бы не захотѣлъ такихъ способностей и такой перемѣны!“ — *Любите*, и будете щастливы; ибо вся цѣль, всѣ желанія, всѣ дѣйствія, всѣ надежды всѣхъ людей .... щастіе — разумѣю сердечное — котораго нельзя достигнуть иначе, какъ любовью истинною, совершенною; ибо рѣчь идетъ о щастіи истинномъ, совершенномъ — сколько можетъ быть такая любовь и такое щастіе въ здѣшнемъ мірѣ, — *долинѣ Іосафатовой* для умныхъ и добрыхъ, и *плачевной юдоли* для злыхъ и глупыхъ!

П о л и н а.

Цвѣтникъ, въ которомъ видите гордую розу и величественную лилею, но гдѣ укрывается отъ взора вашего скромная фіялка, есть живой образъ столицы, въ которой блистаютъ однѣ извѣстныя знатною породою или великимъ богатствомъ красавицы, и гдѣ красавицы же, неимѣющія сихъ преимуществъ, остаются безъ всякаго вниманія.

Между тѣмъ фіялка въ цвѣтникѣ, и ей уподобляемыя красавицы въ столицѣ пріобрѣтаютъ болѣе выгодъ, нежели бы пріобрѣли — одна въ дикой рощѣ, другія въ сельскомъ уединеніи: попечительная рука садовника холитъ милую дочь Флоры; благое дѣйствіе просвѣщенія образуетъ любезныя творенія природы. — Кто не раздѣляетъ *пользы* отъ *злоупотребленія* оной, для того не раздѣлялся еще *хаосъ* на дни и ночи!

Полина родилась въ Москвѣ и воспитывалась матерью; воспитывалась не по обыкновеннымъ правиламъ большаго свѣта, и не такою матерью, какихъ видимъ — вокругъ себя; нѣтъ! истинное щастіе первой было единственнымъ предметомъ попеченія для послѣдней. Основательный умъ, нѣжная душа, чувствительное сердце матери служили школою — если хотите *системою* и *методою* — для усовершенствованія физическихъ и нравственныхъ качествъ дочери.

Полина — щастливѣйшее произведеніе изящной Природы — умная и прекрасная, имѣла въ матери своей и госпожу *Жанлисъ* и госпожу *Ламберъ* — это есть женщину съ превосходными понятіями о воспитаніи, нужномъ для всякаго состоянія, и съ высокимъ чувствомъ достоинствъ, необходимыхъ для каждаго человѣка. Сія почтенная женщина не играла никакой роли въ обществахъ, между прочимъ и потому что не имѣла ни великаго богатства,

ни знатнаго имени: щастливая посредственность была ея удѣломъ; спокойная жизнь наградою за домашнія попеченія; тихія удовольствія плодомъ чистой совѣсти; уваженіе знакомыхъ слѣдствіемъ исполненія обязанностей .... Наконецъ милая, единственная дочь новою зарею нравственнаго ея существованія .... Такая же судьба ожидала и Полину: есть вѣрные пути къ достиженію того, что человѣкъ съ робостію называетъ *истиннымъ благомъ!* ... Вѣрная стопа любви и опытовъ прокладываетъ сіи пути; неутомимая рука нѣжности усыпаетъ ихъ розами.

Полина, въ дѣтствѣ, знакомилась, посредствомъ матери, съ Природою: бѣгала по саду, поливала деревья, пересаживала цвѣты, вытверживала имена растеній, ловила пестрыхъ бабочекъ, собирала разноцвѣтные камешки и составляла маленькой *кабинетъ рѣдкостей.*

Въ первой юности Полина знакомилась съ искуствами: шила въ пяльцахъ,

рисовала, играла на клависинѣ, пѣла, танцовала; въ другомъ возрастѣ — съ науками: проходила Исторію, Свѣтскую, Духовную и Натуральную, Географію и Ариѳметику, Риторику и Логику, Мивологію и проч. Нужно ли сказывать, что Полина имѣла *учителей?* — Иначе быть не могло. Но Полина не имѣла *иностранки:* мать преподавала ей начальныя правила языка Французскаго, и говорила съ нею на этомъ *необходимомъ* языкѣ.

Такъ росла Полина — тѣломъ и душею — въ очахъ материнскихъ, неусыпныхъ и прозорливыхъ. Нималѣйшая способность, нималѣйшій недостатокъ — однимъ словомъ: никакая черта, никакой оттѣнокъ въ характерѣ, умѣ и чувствахъ Полины не укрывались отъ сихъ очей благодѣтельныхъ, и не оставались безъ того, чтобы не были обращены къ ея пользѣ.

На осьмнадцатомъ году Полина увидѣла публику — то есть была привезе-

на въ Благородное Собраніе. Новыя впечатлѣнія, новыя идеи прибавили новую жизнь къ нравственному существованію Полины; но прибавила ли Полина въ особѣ своей новую, привлекательную особу къ большому обществу? — нѣтъ: свѣту вовсе незнакома была ея физіономія, а свѣтъ строго ограничиваетъ любопытство свое въ такомъ случаѣ; и ежели человѣка моднаго, не смотря на всю его предосторожность, поразитъ лицо красавицы *неизвѣстной*, — онъ скажетъ только съ Грессетомъ:

Elle a d'assez beaux yeux pour les yeux de province.

И пойдетъ далѣе съ мертвымъ своимъ равнодушіемъ — на поклоненіе холоднымъ истуканамъ моднаго свѣта.

Полина пріѣхавъ домой, говорила матери о томъ, что думала и что чувствовала, — что видѣла и что слышала. Благоразумная мать, подобно пчелѣ благоразумной, извлекала одинъ только *медъ* изъ каждаго слова дочери, и со-

ставляла цѣлебную пищу для ума ея и сердца.

Можетъ быть читатель, а особливо читательница — если эта повѣсть имѣетъ щастіе быть въ рукахъ у нихъ — спроситъ или подумаетъ: „Не обратила ли Полина общаго на себя вниманія искуствомъ въ танцахъ?“ — Нѣтъ, отвѣчаю съ историческою пючностію; ибо въ публикѣ — такой какъ Благородное Собраніе — мѣсто подвиговъ Терпсихориныхъ есть собственность нѣкотораго числа красавицъ (и не красавицъ (*)) *привилегированныхъ*, то есть *извѣстныхъ*; и горе незнакомкѣ, которая отважится вступить на сіе поприще! она почувствуетъ всю тягость униженія, будучи принуждена стать на самомъ концѣ, и видѣть *взоры сожалѣнія*, на нее со всѣхъ сторонъ бросае-

(*) Монтань сказалъ: La beauté plus singulière se trouve entre les mains de celles qui la mettent en oeuvre.

мые! . . . Прибавьте къ этому нерадивость, съ которою кавалеръ *лучшаго тона* возметъ руки, можетъ быть дрожащія, невинной преступницы — противъ тщеславнаго свѣта! . . . . Ничего нѣтъ вѣрнѣе сей картины: она не разъ возбуждала въ сердцѣ моемъ состраданіе о жертвѣ . . . . и кумирахъ! . . . .

Но Полина, скромная и прелестная, обратила на себя вниманіе молодаго Ариста, который зналъ ее въ ребячествѣ, и который недавно возвратился изъ чужихъ краевъ, или лучше сказать изъ Нѣмецкихъ Университетовъ. Мать и дочь обласкали Ариста, подошедшаго къ нимъ для возобновленія знакомства (это было въ одномъ изъ собраній). Умъ и вѣжливость молодаго человѣка подали о немъ мнѣніе самое выгодное. Послѣдовали, какъ обыкновенно водится, *приглашенія* съ одной стороны, *благодарность* и *обѣщанія* съ другой — но не однимъ кимвальныхъ звукомъ словъ, какъ по большой части водится; нѣтъ: мать Полины

желала видѣть у себя въ домѣ *молодаго человѣка*, *хорошо воспитаннаго*; ибо желала дочери своей *мужа*, *ее достойнаго* . . . . Я повѣствую съ тою же простотою, которая была въ нравахъ, образѣ мыслей и жизни героинь моихъ.

Къ щастію Ариста, онъ жилъ съ ними въ сосѣдствѣ, — въ домѣ отеческомъ; но къ нещастію безъ отца и матери, которыхъ не было уже на свѣтѣ. Между тѣмъ не должно безпокоиться объ Аристѣ: онъ не употребитъ во зло полной власти надъ собою; карты, лошади, собаки и проч. не займутъ Ариста; съ нимъ останутся первые друзья первой его молодости: книги, науки; къ нимъ присоединится знакомство съ людьми, достойными уваженія — не по чинамъ и богатству, а по качествамъ и дарованію. Наконецъ Аристъ будетъ самъ — и очень скоро — въ числѣ людей почтенныхъ качествами и дарованіемъ. Чины и богатства не получатъ отъ него ни крошки ладану.

Аристъ почувствовалъ съ перваго взгляда особенное влеченіе къ Полинѣ, и новое уваженіе къ ея матери. Ничто на свѣтѣ не возбуждаетъ такого почтенія, какъ характеръ матери въ присутствіи благовоспитанной ея дочери; а то, что мы разумѣемъ подъ именемъ *благовоспитанія*, обнаруживается при первомъ словѣ, или — чтобы сказать вѣроятнѣе — въ первомъ разговорѣ. И такъ мудрено ли, что *съ перваго взгляда* — и до послѣдняго — мы привязываемся къ существу образованному, кажется, для насъ единственно, когда находимъ его подобнымъ нашему *идеалу?*... Вотъ тайна симпатіи. Присоедините къ моральному дѣйствію дѣйствія физическія: любимую физіономію, любимый голосъ, любимый ростъ; ибо каждый человѣкъ любитъ преимущественно ту или другую физіономію, тотъ или другой голосъ, тотъ или другой ростъ... Ахъ! какъ щастливъ смертный, который встрѣчается съ *мысленнымъ предметомъ* въ предметѣ существенномъ, и не разстанется уже на-вѣки!

Избѣгая мѣлкихъ подробностей, скучныхъ во всякомъ повѣствованіи, скажу прямо, что Аристъ былъ вседневнымъ гостемъ у героинь моихъ. И дочь и мать находили въ немъ болѣе и болѣе тѣхъ привлекательныхъ достоинствъ, которыя въ другихъ уменьшаются по мѣрѣ коротокости; ибо время снимаетъ со всего покровы, и рано или поздно обнаруживаетъ истину, по большой части неблагопріятную людямъ. . . .

Но истина и время благопріятствовали какъ Аристу, такъ и любезнымъ его знакомкамъ. Онъ съ каждымъ днемъ видѣлъ яснѣе — въ дочери милыя свойства души и сердца, украшающія разумъ, воспитаніе и самыя прелести женщины; въ матери — дружеское снисхожденіе, которымъ умѣряется величіе материнскаго сана, и которое ставитъ ее на степень кроткой наставницы. Могло ли быть для Ариста гдѣ нибудь веселѣе, что нибудь пріятнѣе? . . .

Онъ всякой разъ находилъ Полину за пяльцами, или за клависиномъ, съ карандашами или книгою въ рукѣ; но Полина болѣе всего любила чтеніе; Аристъ занимался словесностію и уважалъ искусства: сколько общихъ мыслей, одинакихъ чувствованій между Полиною и Аристомъ въ ихъ разговорѣ!

Ежели хотя мало извѣстно мнѣ свойство сердца человѣческаго, то, думаю, что все вниманіе моихъ читателей — предполагая, что имѣю ихъ — должно обратиться единственно на двухъ послѣднихъ героевъ моей не выдуманной повѣсти — то есть на любовниковъ; ибо Аристъ и Полина, не будучи еще названы *любовниками*, безъ сомнѣнія приняли уже это имя — въ мысляхъ того, кто читаетъ ихъ исторію. И такъ *мать* не будетъ уже болѣе на *сценѣ*, но будетъ всегда и вездѣ Ангеломъ-хранителемъ и другомъ-наставникомъ дочери.

Лучшіе дни жизни, сладостнѣйшія чувства сердца, живѣйшіе восторги ду-

ши, пріятнѣйшія мечты воображенія — все это принадлежитъ только первой любви; а щастливѣйшая любовь есть та, которая не перемѣняла своего предмета. Потребность любить прежде всѣхъ другихъ нравственныхъ потребностей занимаетъ душу и сердце; воображеніе ищетъ существа, ими желаемаго; устремляется съ жаромъ на то, которое почтетъ найденнымъ; и ежели оно будетъ обманомъ судьбы, ложнымъ призракомъ рождающейся страсти: то первыя чувства, первые восторги, первыя мечты любви, еще новой, изліются, болѣе или менѣе, тщетно, безплодно: другой предметъ не произведетъ уже ихъ въ равной силѣ, не возвратитъ имъ прежней очаровательности; но въ противномъ случаѣ они достигнутъ до той границы, гдѣ человѣкъ благодарный долженъ сказать самому себѣ: „Далѣе нѣтъ на землѣ блаженства; дни мои подобны жизни Ангеловъ!“

Полина и Аристъ предупреждали свиданія мыслями объ нихъ; разспавшись,

думали только о свиданіи; будучи вмѣстѣ, не желали разстаться; каждое слово, каждый взоръ, каждая черта лица, каждый звукъ голоса впечатлѣвались каждый день сильнѣе въ чувствахъ и воображеніи Полины и Ариста. Они стали необходимыми другъ для друга! Всѣ упражненія ихъ получили прелесть свою отъ взаимнаго одобренія; всѣ прелести обыкновеннаго ихъ времяпрепровожденія зависѣло отъ общаго присутствія. Но кто опишетъ *всѣ* подробности удовольствій, желаній, надеждъ и щастія двухъ сердецъ, которыя въ первый еще разъ испытываютъ удовольствія, желанія, надежды и щастіе любви! Руссо — или никто на свѣтѣ. Новая Элоиза и Сен-Прё — не романъ! истина ихъ положеній извѣстна каждому сердцу, которое любило; но кисть Жан-Жака *осталась* въ магической рукѣ, владѣвшей ею, и любовь лишилась своего неподражаемаго живописца!

И такъ оставимъ чувству и воображенію читателей предполагать все то,

что происходило въ чувствахъ и воображеніи Полины и Ариста, и скажемъ просто, что Аристъ не могъ долго таить любви своей, и что Полина готова была раздѣлить, увѣнчать ее; и въ одно щастливое мгновеніе, въ одномъ невольномъ движеніи Аристъ и Полина рѣшили судьбу свою очаровательными словами: *люблю! твой — твоя — навѣки!* . . . Печать небеснаго союза, высочайшаго блаженства, райскихъ наслажденій — первый поцѣлуй невинныхъ устъ скрѣпилъ сердца и души, и пролилъ въ грудь неизъяснимое ощущеніе того бытія, которое переселяетъ любовниковъ за предѣлы жизни обыкновенной!

Нѣжныя души знаютъ, какъ ведетъ природа отъ щастія къ другому два сердца, когда они составляютъ одно: полная мѣра благъ ожидаетъ ихъ на крайней степени — тамъ твердое, непоколебимое зданіе чистыхъ, безмятежныхъ радостей! . . . Завидное, стократъ завидное состояніе! Многіе ли изъ смертныхъ

удостоены Провидѣніемъ подобной участи!

Полина и Аристъ были удостоены; любовь ихъ возрастала вмѣстѣ съ уваженіемъ; уваженіе возрастало вмѣстѣ съ любовію. Одной наружной привлекательности, равно какъ и однихъ душевныхъ качествъ, для любви не довольно: надобно соединеніе того и другаго! Когда мы любимъ только одно изъ двухъ, то любимъ лишь *вполовину*. Что дѣлать! таково сердце человѣческое! Къ щастію нашихъ любовниковъ, они соединяли то и другое; въ сердцѣ ихъ не оставалось пустоты: ничто стороннее не могло занять души ихъ; никакая встрѣча не въ состояніи была развлечь ихъ страсти; всѣ мысли, всѣ чувства, всѣ поступки — все обращалось къ единой цѣли — любви.

Но любовь, самая превосходная, нетерпѣлива. она требуетъ награды своей. Такъ нѣжный цвѣтокъ сохраняетъ жизнь

и свѣжесть свою въ тѣни благотворной; но палящее солнце изсушаетъ его: жажда любви сильнѣе палящаго солнца; утѣшаніе любви спасительнѣе благотворной тѣни!

И такъ страстнѣйшіе изъ любовниковъ стали щастливѣйшими супругами. Свадьба ихъ была въ Маѣ мѣсяцѣ — символъ и предреканіе вѣчной любви супружеской.

Вскорѣ послѣ обыкновенныхъ брачныхъ обрядовъ они поѣхали въ деревню — единственно для того чтобы ничто не мѣшало имъ заниматься только собою, только своею любовію, только своимъ блаженствомъ. Свѣтъ и люди такъ холодны для двухъ душъ, пылающихъ взаимною страстію, что имъ непремѣнно надобно скрыться — покрайней мѣрѣ на нѣкоторое время — въ объятіяхъ природы!

И природа, нѣжная мать нѣжныхъ дѣтей своихъ, приняла Полину и Ариста съ торжествомъ радости: казалось, что

въ самомъ дѣлѣ она взяла участіе въ прекрасной судьбѣ ихъ. Лазурь небесъ, зелень луговъ и рощей, хоры птичекъ, солнце и цвѣты — все было въ полной, очаровательной прелести; все забавляло и привѣтствовало милыхъ гостей щедрой хозяйки! . . . Они глядѣли, и улыбались; говорили, и слезы щастія блистали на глазахъ; умолкали, и руки оплетались вокругъ шеи! . . . Восклицаю съ тобою, Поэтъ садовъ, Поэтъ природы:

Et quand les Dieux offraient un élifée aux sages,
Etaient-ce des palais? C'étaient des verds bocages,
C'étaient des prés fleuris, séjour des doux loifirs,
Où d'une longue paix ils goutaient les plaisirs (*)!

(*) Когда безсмертные рай мудрымъ предложили —
Чертогъ ли это былъ? нѣтъ: рощь зеленыхъ сѣнь;
Цвѣтущіе луга жилищемъ мирнымъ были,
Гдѣ къ радостямъ сіялъ для мудрыхъ вѣчный день!

Послѣдуемъ за благополучными супругами въ ихъ сельской жизни и въ ея кроткихъ наслажденіяхъ.

Полина и Аристъ раздѣляли всѣ часы свои на пользу и удовольствіе, — для себя и для ближняго. Они хотѣли, чтобы одни радостныя лица встрѣчались имъ, и успѣли въ томъ. Бѣдные нашли въ нихъ отца и мать; крестьяне милостивыхъ помѣщиковъ; домашніе ласковыхъ господъ; всѣ благословляли ихъ, всѣ утѣшались ими. Досугъ и свободу они посвящали ученію, талантамъ и прогулкамъ; но болѣе симъ послѣднимъ, ибо Натура есть лучшая книга, — есть первоначальный источникъ всякаго искусства, всякой мысли, всѣхъ дѣлъ человѣческихъ.

Сидя на высокомъ холмѣ, увѣнчанномъ сиренгами и черемухой, или на муравчистомъ берегу кристальнаго ручья, они говорили: „Только въ деревнѣ мы сбрасываемъ съ себя цѣпи, которыми

приличія свѣта оковываютъ насъ, и которыя столь тяжки душѣ, созданной для наслажденія чувствомъ и разсудкомъ! Только вблизи съ Природою сердце познаетъ силу своихъ склонностей, и вкушаетъ все ихъ щастіе. Здѣсь укрѣпляются онѣ мечтами, питаются воспоминаніями; здѣсь разговоры становятся искреннѣйшими, искренность сладостнѣйшею. Душа, растерзанная важными потерями сердца, и хотящая жить только съ своею горестію, удаляется одинокою сюда же, и въ глубокомъ безмолвіи Природы находитъ единственный отголосокъ, котораго слышать желаетъ при своихъ стенаніяхъ. Здѣсь — и только здѣсь — можно вкушать и этотъ міръ души, который доставляется тишиною страстей, оживляется нѣжными склонностями, питается вкусами ума. Съ какою прелестію любезные Поэты изображаютъ кроткія удовольствія деревни — жалѣютъ ли объ ней, какъ Лафонтенъ; наслаждаются ли ею, какъ Шолье!“

Любезные обитатели любезной деревни давали по праздникамъ и въ каждое Воскресеніе сельскіе пиры на широкомъ дворѣ романтическаго жилища своего (ибо они украсили его *по своему*), и сельскія Граціи съ своими Адонисами кружились въ веселыхъ хороводахъ; къ нимъ всегда присоединялись и комнатные служители, съ которыми нерѣдко мѣшались и сами господа, если на ту пору случались у нихъ молодые сосѣди. Игры, пѣсни, пляски и рѣзвости героевъ бала оканчивались маленькимъ простымъ ужиномъ. Послѣдній шумъ пиршества происходилъ обыкновенно отъ восклицаній благодарности. Полина и Аристъ благодарили Бога за ниспосланіе имъ средствъ творить щастливыми другихъ! . . . . Щастіе человѣческое зависитъ отъ немногаго: доброе расположеніе къ людямъ, доброе сердце, добрая душа и спокойная совѣсть — вотъ его источникъ! Другаго вѣрно нѣтъ.

Въ одинъ день Полина, нѣжная, чувствительная, страстная Полина, ска-

зала — и такимъ голосомъ, съ такимъ взоромъ . . . . которыхъ не могу описать — сказала любовнику-супругу, что она — мать. Вообразите новое благополучіе благополучнѣйшаго изъ смертныхъ! Общія слезы радости, восторговъ, упоенія смѣшались на лицѣ ихъ, подобно какъ движеніе сихъ чувствованій въ сердцѣ. Природа украсилась въ глазахъ Полины и Ариста еще болѣе; ибо они ожидали отъ нее новаго любезнѣйшаго существа, и въ то же время надѣялись представить ей новое любезнѣйшее существо.

Съ окончаніемъ хорошаго осенняго времени, мирные герои мои возвратились въ Москву, не для безумнаго разсѣянія въ скучныхъ забавахъ, но для того, чтобы приготовить себя, во всѣхъ отношеніяхъ, во всѣхъ подробностяхъ, къ священнымъ обязанностямъ добрыхъ родителей. — Дѣти ихъ вѣрно будутъ имъ подобны. Примѣръ Полины служитъ сему доказательствомъ.

Темная роща,

или

Памятникъ нѣжности.

Шумѝте уныло, березы и осины! шумите для симпатическаго удовольствія чувствительной души! . . . Рука любви изображала на корѣ вашей безцѣнное имя своего предмета; тѣнь ваша освѣжала томное сердце любезнѣйшей изъ женщинъ; вы были единственными свидѣтелями ея слезъ, падежды, щастія! . . . Дремлющія сосны, вы которыя мрачными сводами густыхъ, вѣчнозеленыхъ вершинъ своихъ осѣняете трогательный памятникъ нѣжности! шумите для сладкой скорби друзей меланхоліи!

О сердце! какъ покорить тебя подъ свинцовой скипетръ Рока! какъ располагать движенія твои по его мановенію!

куда дѣвать тебя, когда ты содѣлываешся источникомъ нашего бѣдствія! ... но — нѣтъ, нѣтъ! твои врожденные законы должны быть сильнѣе, святѣе всѣхъ на свѣтѣ — и твои муки сладостнѣе безчувственнаго бытія!

Нина не могла противиться тайному удовольствію разсматривать Эраста, котораго взоры говорили ей — самымъ невольнымъ, самымъ скромнымъ образомъ — о томъ, что происходило въ душѣ его, — разсматривать такъ скрытно, что онъ немогъ того примѣтить.

Время и прилѣжное вниманіе Нины къ Эрасту осуществили мечту ея о возможности того щастія, которымъ воображеніе и сердце ея любили заниматься; время и пламенная страсть Эраста къ Нинѣ довели пылкую душу его до того періода чувствованій, гдѣ разрываются всѣ оплоты; гдѣ никакая сила не можетъ остановить быстраго стре-

мленія сердца; гдѣ закрываются глаза наши на будущее, или видятъ въ немъ одну прелестную картину щастія! . . . Нина находила Эраста отчасу болѣе достойнымъ всей нѣжности души своей; Эрастъ отчасу болѣе видѣлъ въ Нинѣ... Ангела сердца своего — и въ одинъ день, воспользовавшись минутами, когда былъ съ нею безъ свидѣтелей, онъ схватилъ руку ея, прижималъ ее къ устамъ, къ сердцу своему. . . Языкъ дополнилъ нѣмыя выраженія сильныхъ чувствованій.

Разсѣянное молчаніе, нѣжные взгляды, вздохъ, слезы — довольно! Этотъ отвѣтъ объяснилъ: Эрасту участь его — участь, которую не льзя промѣнять на всѣ короны міра. — Любовники поклялись въ присутствіи Невидимаго въ вѣчной вѣрности, въ вѣчной любви — и жарчайшій, сладостнѣйшій поцѣлуй запечатлѣлъ клятву ихъ.

Съ этой минуты Эрастъ и Нина почерпнули новое, неизъяснимое удовольствіе въ источникѣ чувствъ своихъ —

и наслаждались имъ. — Видѣться, говорить другъ съ другомъ было для нихъ такое щастіе, которымъ они готовы были ограничить всѣ свои желанія, ежели бы не позволили имъ другаго и оставили бы только это одно. — Никогда симпатія не была чувствуема живѣе; никогда два сердца одно для другаго не были сотворены совершеннѣе.

Нина жила съ отцомъ и матерью въ деревнѣ; Эрастъ жилъ въ сосѣдственномъ маленькомъ городкѣ. — Когда Эрастъ не могъ быть у своей Нины, то Нина находила удовольствіе бродить съ образомъ Эраста въ темной любимой своей рощѣ, примыкающей дикими своими аллеями къ самому ихъ дому. Романическія воображенія мѣшались съ мыслями о предметѣ любви, занимавшей всю душу Нины; чувства ея настроивались къ неизъяснимой сладости мечтаній. На каждой гладкой корѣ дерева она вырѣзывала милое, безцѣнное ей имя. — Проводить нѣсколько часовъ въ этой рощѣ было

первымъ наслажденіемъ души ея послѣ наслажденія взорами, словами Эраста.

Нина имѣла этотъ твердой, прекрасной характеръ, которой не легко рѣшается, но рѣшась на что-нибудь одинъ разъ, остается въ томъ непоколебимымъ вовѣки. — Сказавъ: люблю — она не могла уже перестать любить или перемѣнить предметъ любви; ничто въ свѣтѣ не было въ состояніи ее къ тому принудить.

Каждой день, каждое вниманіе къ Эрасту подавали ей новую причину для оправданія нѣжной и сильной страсти ея къ нему; Нина гордилась въ душѣ своей дружбою, любовію его. Но образъ мыслей родителей заставлялъ ее всего бояться въ страсти своей.

Отецъ и мать Нины были изъ числа тѣхъ весьма обыкновенныхъ отцовъ и матерей, которые предназначаютъ цѣну дочерямъ своимъ, какъ будто какой-ни-

будь вещи, не думая нимало объ истинномъ щастіи ихъ. — Богатство составляло все достоинство, котораго желали они будущему своему зятю, и спрашивая о числѣ душъ жениха своей дочери, никогда ни заботились знать, имѣетъ ли онъ въ себѣ душу.

У Эраста, по нещастію, была только одна его собственная, прекрасная душа. Нѣжное, доброе сердце, Музами образованный разумъ, достаточныя знанія составляли его остальное богатство. — Но какъ цѣнятъ въ свѣтѣ это богатство? . . . Модная карета, щегольская ливрея получаютъ преимущество . . . . Кто оспоритъ эту истину? . . . Ахъ! какая горестная, оскорбительная истина! . . . какіе люди!

Эрастъ умѣлъ однакожь обходиться безъ богатства. Самый умѣренный доходъ былъ достаточенъ для нуждъ его. Онъ отказывалъ себѣ въ обыкновенныхъ удовольствіяхъ молодости — для лучшихъ

удовольствій: онъ собиралъ библіотеку, которая была любезнѣйшимъ его сокровищемъ, пользою, пріятностію и утѣшеніемъ во всѣхъ прискорбіяхъ жизни. Эрастъ опытомъ узналъ справедливость сей надписи Озимандіасова книгохранилища: *Лѣкарство для души.*

Нина не скрыла боязни своей отъ Эраста; говорила ему о препятствіяхъ, которыя предвидитъ въ щастіи своемъ. — Эрастъ молчалъ, вздыхалъ; чувствовалъ въ первой разъ жестокость недостатка, и въ первой разъ хотѣлъ быть Крезомъ.

Но любовь умѣетъ находить утѣшенія; надежда вѣрнѣйшая ей подруга; она никогда — никогда не оставляетъ ее. — Эрастъ пробѣгалъ мыслями всѣ возможности къ пріобрѣтенію права на ту, которая отдала ему полное надъ душею и сердцемъ своимъ. — Нужно ли еще другое? . . . Ахъ! нужно въ глазахъ того, кто не понимаетъ словъ: душа,

сердце! — пробѣгалъ и сообщалъ ихъ Нинѣ.

Однажды, говоря между собою о различныхъ состояніяхъ въ обществѣ, Эрастъ сказалъ Нинѣ: „Знаешь ли, милая, что я никогда не желалъ быть любимцемъ щастія? Эти любимцы мнѣ очень — очень не нравятся и не безъ причины. Долго не довѣряя чувствамъ своимъ, я относилъ отвращеніе мое къ нимъ тайной зависти, раздраженію сердца; но внимательное наблюденіе надъ сердцемъ моимъ и надъ ними открыли мнѣ подлинную причину: я нашелъ, что люди съ истинными достоинствами, съ дарованіями рѣдко, или никогда не попадаютъ въ милость къ этой своенравной богини вселенной; что фавориты ея (по аналогіи съ ея характеромъ) всегда легкомысленны, невѣжи, ни почему не привлекательны, ни къ чему неспособны. Но теперь, милая“ (продолжалъ онъ, вздохнувъ изъ глубины сердца) „ахъ! теперь за всякую цѣну я бы гошовъ былъ обра-

шишь на себя благосклонной взглядъ фортуны! . . .“ Нина также вздохнула, взглянула на него съ безмолвнымъ выраженіемъ нѣжной благодарности и опустила глаза въ землю, чтобы скрыть слезы свои. — Этотъ взглядъ былъ, безъ сомнѣнія, драгоцѣннѣе сердцу Эраста всѣхъ даровъ фортуны.

Такимъ образомъ проходили дни, недѣли, мѣсяцы чистой невинной любви ихъ. — Занимаясь настоящимъ щастіемъ своимъ, щастіемъ видѣть другъ друга, они не хотѣли воображеніемъ страшнаго будущаго отравлять его.

Дорога, которою Эрастъ всегда ѣзжалъ къ своей Нинѣ, шла подлѣ любимой ея рощи. — Однажды около вечера ѣдучи къ Нинѣ, онъ выскочилъ изъ коляски и пошелъ въ рощу. — Это былъ тотъ часъ, когда романическія красоты природы кажутся еще болѣе романическими отъ таинственнаго сумрака, которой сгущая тѣни зеленыхъ рощей, и опуская занавѣсъ вполовину на отда-

ленные предметы, даетъ воображенію всю волю бродить средь призраковъ, имъ самимъ сотворенныхъ — бродить въ химерическомъ, чудесномъ, очаровательномъ мірѣ. — Для горестной души есть какое-то удовольствіе во мракѣ вечера, — есть нѣчто такое, что — подобно объятіямъ друга, съ которымъ сливается все существо наше — изглаживаетъ впечатленія горестей, или — ежели остается еще слѣдъ ихъ — услаждаетъ оныя и оставляетъ одно чувство пріятной меланхоліи, съ которымъ душа не хочетъ разстаться, и находитъ прелесть питать его. Но ослѣпляющій свѣтъ дня подобенъ ложнымъ утѣшителямъ, — людямъ, которые желая облегчить разсѣяніями и забавами скорби наши (которыхъ они не могутъ чувствовать), вмѣсто облегченія увеличиваютъ ихъ. — Наконецъ особливая пріятность Майскаго дня, тихой закатъ солнца, глубокое безмолвіе Природы, величественный видъ дикой рощи, послѣдніе гимны пернатыхъ ея обитателей, томное расположеніе ду-

ши живое ощущеніе противоположности между мирнымъ состояніемъ Природы и волненіемъ сердца — все это настроило воображеніе и чувства въ Эрастѣ къ такимъ мечтамъ и восторгамъ, которыя содѣлываютъ насъ въ сіи минуты совсѣмъ другими людьми. Быстрыя, необыкновенныя паренія мыслей; тонкія, нѣжнѣйшія ощущенія сердца развиваютъ новыя способности въ душѣ нашей; самый разумъ очищается тогда отъ всякаго ложнаго понятія, отъ всякаго случайнаго предубѣжденія, и сіяетъ — подобно лучезарному солнцу — надъ мракомъ заблужденій. — Какія минуты для образованія ума и сердца, — для узрѣнія темныхъ, великихъ истинъ! . . Щастливъ тотъ, кто умѣетъ пользоваться подобными — рѣдкими въ жизни — минутами!

Эрастъ мыслилъ, чувствовалъ и спѣшилъ въ глубину рощи, какъ будто затѣмъ чтобы собранныя идеи и чувства запечатлѣть въ душѣ своей безмолвнымъ ея сумракомъ.

Погруженный въ самого себя, онъ идетъ впередъ тихими шагами. Вдругъ шорохъ листьевъ въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи извлекаетъ его изъ задумчивости; онъ останавливается, слушаетъ: шорохъ приближается — еще минута и . . . Нина явилась предъ нимъ. Какое явленіе для обоихъ! . . Нина закричала, хотѣла бѣжать, — Эрастъ бросился къ ней — заклиналъ ее проводить съ нимъ нѣсколько минутъ въ прекрасномъ этомъ мѣстѣ, не лишать его радости щастливой встрѣчи. — „Небо будетъ свидѣтелемъ чистыхъ наслажденій любви нашей, а сердца порукою за ненарушимость невинности ихъ!“ сказалъ Эрастъ, прижимая къ устамъ, къ сердцу своему руку Нины. — „Страшное обстоятельство, другъ мой!“ отвѣчала Нина: „Небо и сердца наши не осудятъ насъ конечно, но люди . . . ахъ! я трепещу отъ мысли, ежели насъ увидятъ. . . . Мой другъ! недовольно ли имъ одного вида, одного призрака для заключенія о поступкахъ нашихъ? берутъ ли они на себя трудъ, при всей охотѣ къ

рѣшительному сужденію, заглянуть подъ завѣсу дѣлъ, положеній нашихъ? не радуются ли они нѣкоторымъ образомъ, находя ее вредною славѣ, щастію нашему?... Ахъ! я узнала эту черту худо образованнаго сердца человѣческаго не изъ однѣхъ только книгъ, другъ мой!" — Знаю все это, милая! и во всемъ соглашаюсь съ тобою; но мы можемъ быть удостовѣрены, что насъ не увидятъ здѣсь — сказалъ Эрастъ, и огненные поцѣлуи склѣили уста любовниковъ, — потрясли душу, сердце — все существо ихъ. . . . Какое положеніе! какая минута!... ахъ! съ вами ли Ангелъ-хранитель невинности вашей?

Они чувствовали въ это мгновеніе новое бытіе, новую душу, новое сердце; — не знали, гдѣ они; куда переселило ихъ блаженство наслажденій; — что дѣлается съ ними: — свѣтъ исчезалъ передъ ними; — все умолкло для нихъ, — чувства были вселенною и закономъ ихъ. Но вдругъ внезапный сильный ударъ гро-

ма, ниспавшій подлѣ упоенныхъ любовниковъ, остановилъ ихъ на краю бездны.... Эрастъ и Нина содрогнулись. . . . Какъ пораженные, отступили другъ отъ друга въ ужасѣ; добродѣтель отозвалась на гласъ неба въ сердцахъ ихъ — и восторжествовала. — „Боже мой! . . . Эрастъ, Эрастъ! . . . другъ мой!“ сказала Нина со слезами: „сердце мое трепещетъ, какъ у преступника. . . Ахъ! я предчувствовала, боялась погибѣли, которую благое Небо захотѣло отвратить отъ меня! . . . Небо печется о невинности нашей болѣе насъ самихъ. . . . Прости, Эрастъ, и забудь, если можно, эту минуту! . . . Ты меня сегодня болѣе не увидишь: я пойду прямо въ свою комнату и скажусь нездоровою — мнѣ невозможно въ теперешнемъ состояніи души моей быть въ обществѣ: каждый взоръ — казалось бы мнѣ — видитъ, что происходитъ, — что происходило въ ней. . . . а взоры батюшки, матушки! . . . прости, прости!“ сказала, и побѣжала подобно какъ Дафна отъ Аполлона.

Эрастъ не могъ произнесть ни слова; стоялъ какъ окаменѣлой; смотрѣлъ на небо и увидѣлъ потомъ — себя одного. Онъ воротился домой.

Ахъ! кто можетъ отвѣчать за чувства свои? кто можетъ утверждать, что строгой разсудокъ всегда удержитъ надъ ними владычество свое? какой образъ мыслей, какія правила, какая философія небываютъ иногда принуждены уступить силѣ случая? . . Горе тому, кто совершенно, кто безпечно полагается на себя! паденіе его тѣмъ опаснѣе, тѣмъ неизбѣжнѣе. . . . Нина! природа одарила тебя разсудкомъ, разсудокъ предписалъ тебѣ правила, правилами утвердились щастливые навыки: разсудокъ, правила и навыки сдѣлали тебя безбоязненною отъ порока; но со всѣмъ тѣмъ добродѣтель твоя была на волосокъ отъ порока! . . . Простое дѣйствіе природы, — одинъ случай опрокидывали въ минуту зданіе, надъ которымъ ты долго трудилась, и которое обнадеживало тебя безопасностію! . . .

Нина! нѣтъ такого твердаго зданія ни въ физикѣ, ни въ морали, которое могло бы всегда устоять противъ руки Природы. — Всего лучше, всего благоразумнѣе не отваживаться на сраженіе съ нею. . . . Рѣдкой, рѣдкой изъ смертныхъ могъ всякой разъ выиграть его. — Самъ Сократъ пылалъ тайно къ прекрасной Аспазіи, не смотря на то что онъ училъ господствовать надъ чувствами, и что не могъ оправдать въ семъ случаѣ своихъ (*). — Я осмѣлюсь сказать всѣмъ *Нинамъ* въ свѣтѣ: „Какъ бы вы ни были щастливо образованы, но встрѣчаясь съ Эрастами въ темной рощѣ, бѣгите отъ нихъ, ничего неслушая, ничего неотвѣчая; остановясь на одну минуту — на одну секунду. . . . вы погибли!“

(*) Сократъ былъ женатъ и не молодъ, когда подружился съ Аспазіею. — Изъ многихъ обстоятельствъ жизни его, относительныхъ къ этой славной женщинѣ, видно — очень видно, что онъ чувствовалъ къ ней нѣчто болѣе, нежели дружбу.

Однажды Нина, послѣ утренняго чтенія или работы, и послѣ сельскаго туалета, пошедъ въ обыкновенное время передъ обѣдомъ въ гостиную, находитъ незнакомаго человѣка, съ которымъ отецъ и мать Нины говорили въ выраженіяхъ особливаго почтенія; ее рекомендуютъ гостю; онъ устремляетъ на нее отъ времени до времени глаза свои, и относится къ ней съ разговоромъ. Ея отвѣты, ея голосъ удерживаютъ глаза незнакомца примѣтнымъ образомъ болѣе надъ нею. — Послѣ обѣда гость скоро уѣхалъ. — Отецъ и мать Нины, проводя его, тотчасъ стали говорить между собою о чести, объ удовольствіи знакомства съ нимъ, — о его чинѣ, о его богатствѣ, и напослѣдокъ спросили у Нины, какъ показался ей этотъ достойный почтенія гость? — Сердце затрепетало у Нины присемъ вопросѣ — и отвѣтъ ея не совсѣмъ былъ по ихъ желанію.

На другой, на третій день тотъ же достойный почтенія гость; тѣ же похва-

лы ему; тѣ же вопросы о немъ — и черезъ недѣлю потребовали отъ Нины лучшаго отвѣта. — Нина, которой сердце сказало о цѣли такихъ допросовъ, рѣшилась отдѣлаться однимъ разомъ — чтобы изъ того ни воспослѣдовало. „Ежели вамъ угодно,“ отвѣчала она „чтобы я сказала истинное мое мнѣніе о немъ, то — я ничего не нашла, не замѣтила въ немъ, кромѣ двухъ большихъ бриллiянтовыхъ перстней на пальцахъ его, и человѣка простаго, надменнаго своимъ чиномъ, своимъ богатствомъ, которые служатъ неизчерпаемымъ содержаніемъ всѣхъ разговоровъ его. . . .“ — И ты будешь женою этаго простаго, надменнаго человѣка! — перервавъ слова ея, сказалъ отецъ съ жаромъ неудовольствія. — Нина поблѣднѣла, — затрепетала, — готова была упасть въ обморокъ; но мать велѣла идти ей въ свою комнату.

Тамъ, оставшись одна, Нина вообразила — увидѣла страшную перспективу судьбы своей; слова отца ея повторялись

въ ея сердцѣ, подобно громовымъ отголоскамъ. — „Нѣтъ! нѣтъ! я небуду его женою конечно!“ говорила она сама съ собою: „Небо было свидѣтелемъ одного обѣта моего — Небо будетъ свидѣтелемъ и другаго: ежели не Эрасту отдамъ руку мою — такъ, какъ я отдала ему мою душу, мое сердце — то никто на свѣтѣ. . . . и монастырь будетъ тихой пристанью отъ бури, возставшей на зарѣ жизни моей!

Мысль о монастырѣ успокоила нѣсколько душу Нины; но другая мысль возобновила ея терзаніе. Какъ приметъ это извѣстіе Эрастъ!“ думала она: „что сдѣлается съ нимъ! . . . Онъ услышитъ страшный приговоръ свой къ жестокой казни! . . . онъ умретъ отъ горести! . . . Злобная судьба! . . . Но я удержу жизнь его увѣреніемъ, что никакая власть на свѣтѣ не принудитъ меня принадлежать другому; что жизнь моя будетъ сопряжена съ нимъ, или монастырь. . . . монастырь! . . . не могилу ли мою уви-

дитъ онъ въ этомъ словѣ? . . . Ахъ! онъ не захочетъ остаться послѣ меня въ свѣтѣ! его горесть, его отчаяніе... страшусь мыслей моихъ!.... Всевышній! Ты покровитель слабыхъ, но невинныхъ! . . ."

Нина не прежде какъ на другой день явилась къ родителямъ, которые оказывали ей чрезвычайное неудовольствіе.

„Гдѣ Эрастъ между тѣмъ?" — Онъ всякой день у своей Нины, видитъ новаго гостя, ознакомливается съ нимъ — и нимало не знаетъ, нимало не подозрѣваетъ, что этотъ гость значитъ для него.

Надобно было увѣдомить Эраста обо всемъ — и Нина въ одинъ день, выбравъ удобную минуту, сказала ему, чтобы онъ въ пять часовъ послѣ полудня былъ въ ея рощѣ.

„Тамъ, гдѣ мы нѣкогда встрѣтились!" примолвила она съ горестною

улыбкою: „и гдѣ теперь, я увѣрена, не увижу себя надъ страшною бездной!“

Можно вообразить, какъ это удивило Эраста. Видъ тайности, съ которымъ говорила Нина; послѣднія слова ея — все изумляло его. „Что это значитъ?“ думаетъ онъ: „свиданіе — и въ какомъ мѣстѣ! . . . надобно быть тутъ чему-нибудь особенно чрезвычайному!“ — И догадка его ни на чемъ не остановилась.

Время до пяти часовъ казалось Эрасту вѣчностію, — настало — и Эрастъ полетѣлъ въ рощу. Чрезъ минуту явилась и Нина. — „Посмотри какъ бьется сердце мое!“ сказала она схватя Эрастову руку и положа ея на сердце: „Сколько я отваживаюсь, милой другъ!. . но что я говорю? могу ли подвергнуться ужаснѣйшей участи, которой подвергаетъ меня судьба моя, и которую здѣсь открою моему другу!“ — Эрастъ обмеръ. — „Къ чему ты готовишь меня, нѣжнѣйшая супруга моего сердца?“ спросилъ

онъ въ ужасѣ. — Къ страшному извѣстію, другъ мой! — отвѣчала Нина — такъ, тебѣ должно имѣть все мужество, и подать мнѣ примѣръ собою. . . . „Понимаю!“ перервалъ слова ея Эрастъ: „насъ разлучаютъ? . . .“ — и ужаснымъ образомъ, другъ мой! — продолжаетъ Нина — руку мою хотятъ отдать другому; — этому Крезу, или Мидасу, которого ты видишь у насъ съ нѣкотораго времени: онъ пріѣхалъ *посмотрѣть* меня; къ нещастію, я понравилась ему; онъ открылъ намѣреніе свое батюшкѣ и матушкѣ, которые этому обрадовались, и которые требуютъ безмолвнаго, слѣпаго повиновенія отъ злополучной своей дочери — требуютъ, чтобы я отдала руку мою — и я рѣшилась. . . . „Нина! произнесешь приговоръ мой къ смерти?“ прерываетъ Эрастъ въ изступленіи слова ея. — Постой, несправедливой другъ! я рѣшилась сказать, что никогда не соглашусь быть его женою, и идти въ монастырь. . . . ежели не буду твоею, примолвила я послѣднія слова въ душѣ

моей. — „Несравненная женщина!“ говоритъ Эрастъ, схватя руку ея, и прижимая ее къ сердцу своему: „достоинъ ли я такой жертвы? . . . и приму ли ее? . . . могу ли снесть мысли, что ты заключила себя, такъ сказать, живую въ гробъ? Нѣтъ, Нина! такая жертва ужаснѣе для меня всего, всего на свѣтѣ! . . . послушай, милая!“ продолжалъ онъ послѣ мрачнаго молчанія: „многимъ непонятно — я знаю — чтобы любовь могла быть безъ всякаго эгоизма; чтобъ мы могли любить предметъ любви нашей болѣе самихъ себя — то есть чтобы могли отказаться отъ собственныхъ наслажденій для нѣкоторой его выгоды; но что принадлежитъ до меня, другъ мой, я нахожу это весьма возможнымъ и — повѣрь искренности моего сердца, милая! — ежели ты можешь быть щастлива съ другимъ, то и я буду щастливъ — щастливъ инымъ образомъ конечно — но я не буду даже роптать на Небо: вѣчная, глубокая горесть осиротѣлаго сердца моего будетъ услаждаться мыслію: „Она

щастлива!“ а не желалъ ли я болѣе всѣхъ благъ на свѣтѣ твоего щастія за какую бы цѣну ни было? Цѣна эта — собственное мое щастіе: что же? развѣ не почиталъ я за главное удовольствіе жизни моей уступить тебѣ безъ исключенія все, что только могу уступать. Почему же не могу уступить и щастія моего? для чего не льзя не быть эгоистомъ и въ этомъ случаѣ такъ, какъ во всѣхъ другихъ?... Ежели бы я самъ былъ творцомъ твоего благополучія, Нина, то безъ сомнѣнія благополучіе твое имѣло бы для меня безчисленность прелестей; но ежели содѣлаетъ тебя щастливою другой, то....“ — Ахъ, Эрастъ! милой другъ мой! что ты называешь щастіемъ? — спросила Нина съ слезами на глазахъ. — „Я думаю, что нѣтъ двухъ мнѣній о щастіи“ — отвѣчалъ Эрастъ — „я полагаю его въ тихомъ, постоянномъ удовольствіи сердца.“ — А развѣ я могу имѣть тихое, постоянное удовольствіе сердца не съ тобою? — сказала Нина съ сильнымъ внутреннимъ движеніемъ — Ахъ, жестокой

человѣкъ! . . . . прости мнѣ это жестокое слово, другъ мой! . . . какъ можешь ты. . . . — слезы недали говорить ей; онѣ лились рѣкою по лицу ея и задушали ее.

Эрастъ бросился къ ногамъ ея — рыдалъ — клялся умереть съ сильнѣйшею любовью къ ней на свѣтѣ. — „Чтобы ни предназначала мнѣ судьба моя,“ сказалъ онъ съ огнемъ страсти „но обожать тебя будетъ сладостнѣйшимъ чувствомъ души моей до гроба!“

Мой другъ! — сказала Нина — я открою родителямъ въ любви моей, — открою съ тою смѣлостію, которую даетъ намъ невинность, чистота чувствованій нашихъ; остальное дѣло предоставлю судьбѣ моей; она бываетъ иногда сострадательна, справедлива. — Златой лучь надежды сверкнулъ въ мрачной душѣ Эраста. — Они разстались съ новою клятвою въ любви и вѣрности.

Не позже, какъ черезъ день послѣ сего печальнаго и отраднаго свиданія приступили къ Нинѣ съ непременнымъ требованіемъ ея согласія на замужство. — „Чего вы хотите, родители мои, для вашей дочери?“ говоритъ она проливая слезы: „щастія? . . . я не могу имѣть его съ этимъ человѣкомъ, клянусь вамъ Богомъ, Который не желаетъ противнаго сердцу союза! . . . А богатство, почести — когда сердце. . . .“ Перестань! — закричалъ отецъ грознымъ голосомъ — у тебя набита голова модными химерами, романами. . . О эти романы! Нѣсколько лѣтъ назадъ — когда незнали дѣвушки и имени романа — родительская воля была для нихъ и умомъ и сердцемъ; не умѣли говорить о женихѣ, котораго отецъ и мать предлагали имъ: *Онъ мнѣ неправится; онъ не любезенъ; онъ богатъ, чиновенъ — и болѣе ничего.* — Чиновъ и богатства нынѣшнимъ дѣвушкамъ не довольно; надобно еще въ женихѣ воспитаніе, какую-то любезность. . . . Не такъ ли, сударыня? — спросилъ онъ

съ злобною насмѣшкою у бѣдной Нины. — „Батюшка! ежели вы ищите единственно моей пользы, и нѣтъ тутъ вашей, то заклинаю васъ“ — бросясь къ ногамъ его, говорила она рыдая — „заклинаю васъ не принуждать меня къ этому замужеству! . . . Знайте, что вы сдѣлаете дочь вашу злополучнѣйшею на свѣтѣ. . . . Знайте. . . .“ Слезы тѣснили грудь ея — мѣшали говорить ей.

Встань, безразсудная! — закричалъ отецъ, поднимая ее — что ты хочешь еще сказать? — спрашиваетъ онъ съ нетерпѣливостію гнѣва, и устремя на нее свирѣпые взоры. — „Я люблю!“ говоритъ Нина почти полумертвая: „и любовь моя оправдывается достоинствами предмета. . . . Эрастъ. . . .“ — Любишь? . . Негодная! — перерываетъ отецъ слова ея съ кипящимъ гнѣвомъ — любишь и родители твои ничего не знаютъ. — „Любовь моя всего невиннѣе на свѣтѣ“ (продолжаетъ Нина) „одна живая, непреодолимая склонность сердца. . . .“ — Молчи, дерз-

ская! — закричали въ одинъ голосъ отецъ и мать ея — поди съ глазъ нашихъ, и думай о заглажденіи вины своей раскаяніемъ въ поступкѣ своемъ, и полнымъ повиненіемъ волѣ родителей, которыхъ ты столько огорчаешь! — „Монастырь будетъ заглажденіемъ вины моей — ничто другое.... На самую смерть соглашусь скорѣе, нежели на требованіе ваше!“ сказала горестная, отчаянная Нина — и пошла въ свою комнату.

Эрасту въ тотъ же день отказано было отъ дому. Эрастъ хотѣлъ говорить съ родителями Нины, но его не хотѣли слушать. — Этотъ поступокъ объяснилъ ему всю участь его и Нины. — Оглушенный страшнымъ ударомъ, Эрастъ не понимаетъ мыслей, чувствъ своихъ. — „Что предпринять? къ чему стремиться? „думалъ онъ — и ужасная бездна отчаянія разверзалась у ногъ его. — Въ такомъ состояніи возвратился онъ домой, и заперся въ своемъ кабинетѣ.

Что происходило между тѣмъ съ Ниною въ ея комнатѣ, нужно ли сказывать? Какое воображеніе не представитъ себѣ въ точномъ образѣ состоянія души ея!

Два дни прошло — и Нина ничего не знала о рѣшительномъ приговорѣ своемъ; на третій вошли къ ней отецъ и мать ея.

„Одно изъ двухъ непремѣнно“ — сказалъ отецъ суровымъ голосомъ: — „согласіе на волю нашу, или — монастырь.“ Послѣднее! — отвѣчала Нина, и бросилась къ ногамъ его. — „Ежели ты не исполняешь нашей воли, то мы исполнимъ твою: завтра же поѣдемъ въ монастырь,“ сказалъ отецъ и вышелъ, пылая гнѣвомъ.

„Матушка!“ закричала Нина, оставшись съ нею, и бросясь на шею къ ней: „матушка! не уже ли вы перестали любить меня, — ненавидите дочь овою?... и

за что? . . менѣе ли я люблю и почитаю васъ? . . Ахъ! вы хотите погибели моей! . . Машушка! . . .“ Нина не могла говорить болѣе; цѣловала руки ея, обливая ихъ слезами.

Природа побѣдила на минуту жестокость сердца человѣческаго — и тронутая мать плакала вмѣстѣ съ злополучною своею дочерью; уговоривала ее, — потомъ называла не послушною дочерью и оставила ее, неперемѣня горестной ея рѣшимости, и не обѣщая облегченія бѣдственной судьбы ея.

Старалась ли мать преклонить къ сожаленію жестокаго отца, или нѣтъ — оставимъ безъ изслѣдованія; но только на другой день точно онъ исполнилъ обѣщаніе заключить бѣдную Нину въ монастырь. — Она приняла извѣстіе объ этомъ съ тою безчувственностію сердца, которая страшнѣе всякаго чувства.

Монастырь, въ которой отвезли ее, ылъ въ томъ самомъ городкѣ, гдѣ килъ Эрастъ; другаго женскаго мона-ыря не было во всемъ округѣ. — Ка-ое обстоятельство! — Нина не умѣ-а разобрать впечатлѣній, которыя про-звело оно въ душѣ ея, волнуемой ужа-нѣйшимъ образомъ. — „Я въ одномъ ородѣ съ нимъ!“ думала она: „могу то-нибудь знать объ немъ; могу какъ-ибудь дать ему знать о себѣ. . . . о бывъ такъ близко другъ отъ дру-а, и видѣть ужасную бездну, — трашное пространство, которыя раз-ѣляютъ насъ! . . . Боже мой! . . . Какое оложеніе! . . . Что дѣлается съ безцѣн-ымъ другомъ моего сердца? . . . Что бу-етъ съ нимъ, когда онъ узнаетъ о рѣ-еніи судьбы моей? . . . Онъ умретъ! . . . нъ не перенесетъ такого удара! . . . Я наю Эраста; чувства его мнѣ столько же звѣстны, какъ и мои собственныя. . . . семогущій! ежели молитва невиннаго рдца доходитъ къ Тебѣ — въ чемъ я не сомнѣваюсь — то спаси друга мо-

его! . . . Укрѣпи силы духа его для пер
несенія бурь здѣшней жизни! . . . . Чисто
сердце его стоитъ Твоего вниманія —
Твоего покрова! . . Прими и меня сла
бую подъ оный! незлобность и моего серд
ца Тебѣ извѣстна! — Смѣло прибли
жусь съ нимъ къ олтарю Твоему, ежел
волѣ Твоей угодно будетъ потребовать
его въ жертву себѣ единому. . . . Ты про
стишь ему слабыя, но не порочныя чув
ства!“

Такимъ образомъ изливала горесть
души своей злополучная Нина. Но уви
дѣть, или узнать что-нибудъ объ Эра
стѣ, не было ей никакой возможности;
ибо отецъ ея просилъ Наспоятельницу
взять всю предосторожность вразсуж
деніи этаго.

Не долго было тайною заключеніе
Нины въ монастырѣ: на другой день весь
городъ говорилъ объ этомъ; всѣ дивились
этому; никто не зналъ еще истинной тому
причины; каждой сообщалъ свою догадку —
и Эрастъ, злополучный Эрастъ, узнает

ію ужаснѣйшую для него новость. Ему казали, что Нину постригли.

Кто можетъ описать, что сдѣлало съ нимъ это извѣстіе? Для такихъ писаній языкъ не имѣетъ выраженій, рирода красокъ, воображеніе картинъ! Бѣжать съ пистолетами къ отцу Нины — пристрѣлить ему сердце, и потомъ пристрѣлить свое, было желаніемъ перваго движенія души его! Но обращеніе къ Нинѣ, дражайшей его Нинѣ, перемѣнило прашное стремленіе души отчаянной. Почти безъ чувствъ, безъ памяти поетѣлъ онъ въ монастырь; вбѣгаетъ на воръ. — „За чѣмъ? къ кому?“ спрашиаютъ его въ монастырѣ. — „Къ моей инѣ!“ отвѣчаетъ онъ дикимъ голосомъ, яростнымъ взоромъ.

Даютъ знать Настоятельницѣ — и резъ минуту потомъ объявляютъ Эрану, что не льзя ему видѣть Нины. — Для чего, варвары?“ кричитъ онъ въ тупленіи: „я увижу ее противъ вашей воли.“

Настоятельница слыша крикъ, слова его, почла, что онъ помѣшался въ разумѣ, и велѣла его оставить.

Долго бродилъ онъ по двору, — смотрѣлъ на окна келій; звалъ Нину самыми трогательными именами, и былъ подобенъ въ самомъ дѣлѣ сумасшедшему. — Напослѣдокъ, потерявъ всю надежду видѣть Нину свою, онъ вышелъ изъ монастыря, обошелъ во кругъ стѣны его, потомъ побѣжалъ домой такимъ же образомъ, какъ и въ монастырь, и заперся снова въ кабинетѣ своемъ. — Камердинеръ слышалъ стенанія его и имя Нины во всю ночь. — Знала ли Нина, что Эрастъ былъ въ монастырѣ, не извѣстно.

На другой день вмѣстѣ съ разсвѣтомъ Эрастъ вышелъ изъ кабинета въ шляпѣ, съ палкою, съ блѣднымъ лицомъ, съ распухшими глазами, и пошелъ поспѣшно за городъ. Камердинеръ хотѣлъ слѣдовать за господиномъ своимъ, но онъ велѣлъ ему остаться.

Любимая Нинина роща — свидѣтельница прошедшаго и невозвращимаго щастія — обѣщала ему какую-то отраду, какое-то облегченіе; онъ спѣшитъ къ ней (около десяти верстъ было разстоянія), входитъ въ густыя тѣни ея; сердце его содрогается, кровь волнуется страшнымъ образомъ! .... Эрастъ не знаетъ самъ, что происходитъ въ душѣ его, — цѣлуетъ каждое дерево, пивердитъ безцѣнное ему имя Нины и находитъ на корѣ одного дерева свое и ея имя, соединенныя гирляндой, съ подписью:

Симпатіей и Небомъ!

„Это ея рука вырѣзала!“ закричалъ онъ въ совершенномъ изступленіи: „здѣсь, подлѣ этаго дерева должно умереть мнѣ!“ повторилъ онъ нѣсколько разъ — и упалъ въ сильномъ обморокѣ на землю.

Опамятовавшись, онъ не понималъ, что было, что дѣлается съ нимъ. — „Сонъ это, или смерть?“ думаетъ онъ: „пробуждаюсь я, или воскресаю?“

Нѣкоторое время и прохлада утренняго воздуха возвратили ему полную память — и печальная истина явилась передъ нимъ во всѣмъ своемъ ужасѣ. — Онъ бродилъ по рощѣ до самаго вечера; подходилъ къ дому, гдѣ обитала нѣкогда половина души его — и съ трепетомъ бѣжалъ отъ него: Эрасту казалось, что страшныя чудовища, лютые тигры теперь обитаютъ въ этомъ жилищѣ. — Цѣлый день проводилъ онъ безъ пищи, и возвратясь, тотчасъ легъ въ постель.

Во всю ночь сонъ не смыкалъ глазъ его. Сильный жаръ, ужасная тоска и бредъ испугали камердинера; онъ побѣжалъ за лѣкаремъ. – Лѣкарь находитъ Эраста въ страшной горячкѣ; предлагаетъ ему бросить кровь; Эрастъ противится, и черезъ два дни хладныя объятія смерти замораживаютъ кипящую кровь его.

Весь городъ — всѣ, кто только зналъ Эраста, плакали о немъ, и благо-

словляли память его. Напослѣдокъ и родители Нины узнали о злополучномъ концѣ нещастнаго молодаго человѣка, — жалѣли (ибо какое сердце можетъ ожесточишься до такой степени, чтобы не пожалѣть о злополучномъ!) и вздумали воспользоваться симъ печальнымъ обстоятельствомъ. „Потерявъ всю надежду съ Эрастомъ въ любви своей,“ говорили они между собою „Нина можетъ быть захочетъ выдти изъ монастыря, — захочетъ согласиться на желаемое нами замужство.“

Безчеловѣчные люди! какъ худо извѣстно вамъ, что есть нѣжное, чувствительное сердце! . . Что есть истинное, глубокое чувство! . . . Вы судите по собственному своему чувству. . . . по собственному сердцу! . . Нѣтъ, нѣтъ! вы не имѣете совсѣмъ его! . . . или бы оно внушило вамъ сколько-нибудь любви и сострадания! . . . . Камень лежитъ вмѣсто сердца въ груди вашей и ваше сожалѣніе о нещастномъ не иное, что какъ пустыя слова!

Отецъ Нины тотчасъ поѣхалъ въ монастырь, и просилъ Настоятельницу сказать Нинѣ со всею предосторожностію о смерти Эраста, и уговаривать ее къ повиновенію волѣ родителей. Настоятельница, которая имѣла довольно разума, и которая сердечно жалѣла о Нинѣ, обѣщала исполнить его желаніе, но не обнадеживала въ щастливомъ успѣхѣ.

Черезъ часъ послѣ того вошла она къ Нинѣ, которая облокотясь на столикъ, сидѣла въ мрачной, глубокой задумчивости. — „Вы всегда такъ печальны, сударыня!“ сказала она ей: „знаете ли, что это грѣхъ? Истинному Христіянину должно имѣть всегда, во всякомъ случаѣ жизни полное упованіе на милосердіе Отца небеснаго.“ Знаю — отвѣчала Нина съ тяжелымъ вздохомъ — знаю, и не могу преодолѣть чувствъ моихъ. — „Вы вѣрно не довольно стараетесь объ этомъ,“ продолжала Настоятельница „искренное, рѣшительное желаніе господствовать надъ собою доставляетъ намъ

со временемъ непремѣнно это господство, и въ бурной, тлѣнной жизни нашей оно очень — очень нужно намъ! Тысяча противныхъ обстоятельствъ; необходимыя потери любезнѣйшихъ сердцу нашему," (при сихъ словахъ Настоятельница посмотрѣла на Нину такимъ образомъ, что Нина затрепетала) „потери, которыя могутъ привесть насъ въ ужаснѣшее отчаяніе, ежели мы себя не приготовимъ къ нимъ; а отчаяніе — вы знаете — до какихъ грѣховъ доводитъ: ропотъ, хула на Бога, самоубійство и тому подобное. Подумайте, сударыня, какъ не простительно бы было, ежели бы вы, напримѣръ, имѣли любимца души своей, и не захотѣли бы утѣшиться въ невозвратимой потери — въ смерти его . . . ." Что вы говорите? — закричала Нина — для самого Бога — ежели вы говорите точно обо мнѣ, ежели знаете, то не мучьте меня . . . . — „Знаю" прерываетъ слова ея Настоятельница „и хочу, чтобъ вы имѣли великодушіе все выслушать." Довольно, довольно! — закри-

чала опять Нина и упала безъ чувствъ на руки Игуменьи. Добросердечная женщина встревожилась, сильно тронулась состояніемъ ея, выговаривала себѣ за недовольную предосторожность, старалась возвратить чувства Нинѣ, успокоить ее — но болѣе часа продолжалось ея безпамятство.

Наконецъ открывъ глаза и посмотрѣвъ вокругъ себя съ ужасомъ, она сказала: „Нѣтъ его! . . . онъ умеръ съ горести! . . . его убили!“ сказала съ глубокимъ продолжительнымъ вздохомъ и закрыла глаза снова. Грудь ея колебалась, глухой стонъ вырывался изъ нее повсеминутно.

Настоятельница увѣдомила родителей о состояніи Нины; они пріѣхали, подошли къ ней, звали ее — но глаза ея не открывались. Мать сѣла подлѣ нее, взяла ея руку; потомъ поцѣловала въ блѣдную ея щоку, и капля слезъ, упавшая на нее, открыла глаза Нины — глаза, въ ко-

торыхъ изображалось ужасное сердечное страданіе. Узнавъ мать свою, на которую долго смотрѣла съ безчувственнымъ молчаніемъ, она вздохнула, залилась слезами, и томнымъ, слабымъ голосомъ сказала наконецъ: „Я умираю, матушка! и радуюсь этому: жизнь мнѣ противна, нестерпима.“ Къ чему такія мысли, милая? — говорила пораженная мать — ты должна жить покрайней мѣрѣ для родителей своихъ, которые.... — „Это не въ моей волѣ теперь, матушка!“ перервавъ слова ея, сказала Нина: „и что вамъ въ жизни моей!.. Я такъ мало приносила вамъ умѣшенія и такъ бы не много принесла впередъ!“ Слезы мѣшали ей говорить. „Смерть моя прекратитъ всѣ неудовольствія ваши на меня,“ продолжала она „за которыя прошу теперь вашего прощенія: умирающимъ не отказываютъ въ немъ.“ Тутъ взяла она руку матери своей, цѣловала ее, рыдала — и вторичный обморокъ лишилъ ея чувствъ.

Съ этой минуты пять или шесть дней она не открывала глазъ своихъ, — не ѣла, не пила, и сильное воспаленіе въ крови подвергло ее опасному состоянію. Наконецъ кровь ручьями полилась изъ горла у нее и Докторъ объявилъ, что чрезвычайное поврежденіе въ легкомъ заставляетъ сомнѣваться въ ея выздоровленіи; всѣ просьбы, чтобы она приняла лѣкарство, пищу, были тщетны. Нина была безмолвна, безчувственна.

Наконецъ открыла она полумертвые глаза свои; мать подошла къ ней; Нина сдѣлала знакъ, что хочетъ говорить съ матерью — и по долгомъ молчаніи, перерывающимся голосомъ сказала ей: „Матушка! усладите теперешнія минуты мои обѣщаніемъ исполнить послѣднюю мою просьбу! Велите похоронить меня въ моей любимой рощѣ ....“ (тутъ глубокой вздохъ задержалъ слова ея) „подъ эшѣми соснами ....“ Она не договорила; рука лютой смерти оковала языкъ ея, и смежила ангельскіе глаза на вѣки!

Что чувствовали въ сіи минуты отецъ и мать Нины, не станемъ судить объ этомъ. Страшныя мысли!

Они исполнили ея просьбу (ахъ! какую просьбу!... родители!): похоронили ее въ милой ея рощѣ подъ густыми тѣнями высокихъ сосенъ — тамъ, гдѣ любила она сидѣть съ книжкою, съ мыслями, съ сердцемъ своимъ... Черный мраморный обелискъ стоитъ уныло надъ ея прахомъ.

Нина, Нина! ты лучшей участи была достойна! Природа хотѣла щастія твоего; она дала тебѣ разумъ, сердце, Эраста; но, ахъ! бѣдственный предразсудокъ человѣческой отнялъ у тебя всѣ дары ея прежде, нежели ты могла воспользоваться ими!

Леонтина,

или

Торжество чистосердечія.

„Какъ это не учтиво!“ сказала молодая дѣвушка молодому человѣку, которой сидѣлъ противъ нее за большимъ обѣденнымъ столомъ, и смотрѣлъ въ лорнетъ то на того, то на другаго. — Неучтиво! а я прибѣгаю къ лорнету, именно для избѣжанія неучтивости — отвѣчалъ молодой человѣкъ, коротко знакомый съ милою проповѣдницею. „Желаю слышать ваше оправданіе.“ — Вотъ оно: имѣя слабое зрѣніе, я всматриваюсь въ лица посредствомъ моего лорнета для того, чтобы при встрѣчѣ въ другомъ мѣстѣ исполнить долгъ вѣжливости — поклониться. Что бы вы сказали, еслибъ мущина, имѣвшій въ первой разъ щастіе обѣдать, такъ какъ я, вмѣстѣ съ вами и послѣ, увидѣвши васъ, не пок-

лонился? — Возраженія не было: но разговоръ продолжался; шутили смѣялись, разсуждали, и послѣднія слова молодой дѣвушки были: „Нѣтъ, нѣтъ! чистосердечіе ни къ чему не годится.“ Сей рѣшительный приговоръ поразилъ сосѣдку ея, также молодую дѣвушку, не давно вышедшую изъ Екатерининскаго Института, и украшенную вензелемъ Основательницы его. Она пожала слегка плечами и взглянула на другаго мущину, сидѣвшаго противъ нее. Такое движеніе угадать было не трудно — и мущина, прочитавшій въ ея глазахъ невинную довѣренность, сказалъ ей съ чувствомъ искренности: „Вы слышали совсѣмъ другое тамъ, гдѣ говорили вамъ о правилахъ....“ Между тѣмъ первая, продолжая бесѣду свою, остановила послѣдняго слѣдующимъ восклицаніемъ: „Должно въ нѣкоторыхъ случаяхъ притворствовать непремѣнно!“ Другая проглядѣла опять на своего собесѣдника, который сказалъ ей съ тѣмъ же чувствомъ: „Въ свѣтѣ ожидаетъ васъ множество такихъ вещей . . . . отъ ко-

рыхъ да сохранитъ васъ Провидѣніе!“ Нѣжная улыбка была выраженіемъ сердечной благодарности.

Молитвы — самыя лучшія — не всегда бываютъ услышаны! . . . И воспитанница Института — героиня сей повѣсти — долженствовала пройти науку жизни въ школѣ свѣта.

Оставшись послѣ родителей единственною наслѣдницею въ тѣхъ лѣтахъ, которыя даютъ право на обладаніе имѣніемъ, Леонтина (такъ будемъ называть свою героиню) не могла избѣжать тяжбы. Справедливость была на ея сторонѣ; всѣ обстоятельства были въ ея пользу; но происками соперниковъ покривились вѣсы Ѳемидины; доказательства истины не могли выровнять ихъ. Огорченная Леонтина сказала главному судьѣ, что онъ не уважаетъ священностію клятвы, которою обязался хранить правосудіе — и тяжба была проиграна. Чистосердечіе Леонтины стоило ей важнаго урона!

Случай коротко познакомилъ Леонтину съ одною дамою, которую мущины называли любезною, у которой женщины перенимали искусство одѣваться, которая занималась нарядами, выѣздами — и болѣе ничѣмъ. Леонтина видѣла въ ней вѣтреную кокетку, и однажды сказала ей съ обыкновеннымъ своимъ чистосердечіемъ: „Я жалѣю объ васъ! суетность не ведетъ женщину къ добру; на противъ отводитъ ее отъ спокойствія жизни, отъ удовольствій души! Намъ должно искать славы и щастія въ славѣ и щастіи домашнемъ, въ утѣшеніяхъ семейственныхъ.“ — И напомнила ей о Корнеліи, которая гордилась — не блестящими уборами, не богатыми ожерельями — но дѣтьми Сципіоновыми. Леонтинѣ отвѣчали насмѣшкою; оставили ее съ презрѣніемъ, и злобное мщеніе давало ей въ свѣтѣ имена несносной педантки, скучной умницы!

Въ числѣ тѣхъ, которыхъ Леонтина принимала въ домѣ своемъ, была од-

на духовная особа. Леонтина имѣла — по воспитанію и чувству — искреннюю привязанность къ религіи, все уваженіе къ служителямъ ея; но не могла терпѣть лицемѣровъ; знала, что сія духовная особа жертвовала чистотою обѣта своего ниской страсти корыстолюбія; и въ одинъ день, когда святой отецъ говорилъ много о добродѣтеляхъ, сказала ему съ движеніемъ негодованія: „Мы ожидаемъ отъ людей вашего сана не только поученій, но и примѣровъ; одно другаго сильнѣе, одно безъ другаго почти ничего не значитъ. . . .“ Выговоръ остался въ ушахъ виновнаго; ненависть овладѣла его душею, и чистосердечная Леонтина была объявлена роднымъ и знакомымъ вольнодумкою!

Сіе новое титло Леонтинино обрадовало до крайности одну старую богомолку, которой чистосердечная Леонтина сказала нѣкогда, что суевѣріе не лучше безвѣрія; что мнимая заслуга лишаетъ насъ прямаго достоинства, и что въ

наружномъ благочестіи нѣтъ еще истиннаго благочестія. — Богомолна увидѣла передъ собою зеркало, въ немъ увидѣла себя, — поклялась не прощать оскорбленія, и повторяла за духовною особою: вольнодумка!

Не смотря на это Леонтина нравилась многимъ женщинамъ: ибо не всѣ женщины ревнивы; казалась привлекательнѣе Новой Элоизы для каждаго мущины: ибо рѣдкой мущина не витязь романической. — Между сими послѣдними одинъ молодой, прекрасной и богатой человѣкъ искалъ руки Леонтининой, но занимаясь Леонтиною, онъ еще болѣе занимался туалетомъ, экипажемъ, модными пѣсенками, острыми словами, кудрявыми фразами, и тому подобнымъ свидѣтельствомъ холодной души. Леонтина смотрѣла, слушала, и напослѣдокъ сказала ему чистосердечно: „Самолюбіе ваше обнаруживается такъ нескромно, что вы даете мнѣ право на нескромную откровенность: я ненавижу самолюбія!“ Адо-

нись прогнѣвался, уѣхалъ, не возвращался, и открывалъ всякому за тайну, что Леонтина провинціалька — и ничего болѣе!

Однажды при Леонтинѣ говорили о воспитаніи, о должностяхъ дѣтей и родителей. Послѣдніе оправдывали себя во всемъ на счетъ первыхъ. Захотѣли знать мнѣніе Леонтины. „Я увѣрена,“ сказала Леонтина „что пороки и несчастіе дѣтей происходятъ отъ легкомыслія родителей, изъ которыхъ одни заботятся для дѣтей о танцмейстерахъ, о портныхъ; другіе объ имѣніи, о чинахъ; рѣдкіе о нѣжной нравственности, объ истинномъ воспитаніи.“ Отцы и матери, бывшіе въ этомъ обществѣ, почли чистосердечіе Леонтинино за сапиру, и разгласили въ свѣтѣ, что Леонтина не имѣетъ почтенія къ священному сану родительскому. Просвѣщенное злословіе приписывало ей духъ извѣстной Философіи; упоминали съ именемъ Леонтины о Гельвеціи, о Дидеротѣ, твердили,

какъ попугаи, затверженные фразы сихъ писателей; добрые люди ужасались, здравомыслящіе вступались за страдающую невинность.

Скоро послѣ новаго приключенія, въ одномъ многолюдномъ обществѣ, гдѣ, къ нещастію, была и Леонтина, случайной поэтъ читалъ всѣмъ и каждому порознь притчи и эпистолы свои. Надлежало, по обыкновенію, скучать и хвалить. Леонтина — которая хотѣла бы опять Аполлона бѣжать какъ Дафна и превратиться лучше въ дерево, нежели слушать лиру, *нестройную* въ самомъ дѣлѣ — Леонтина не скрылась отъ проворныхъ глазъ поэта, и должна была объявить мысли свои о стихахъ его. — „Не возьмусь судить о томъ, чего не знаю," сказала героиня чистосердечія „но вы вѣрно спрашиваете о дѣйствіи поэзіи вашей на чувства мои? . . . . она не трогаетъ ихъ!" Всѣ засмѣялись — кромѣ поэта, которой не мѣшкалъ выдать эпиграмму на Леонтину. Многочисленное собратство случайнаго поэта вмѣстѣ съ

нимъ заключило изъ того, и говорило цѣлому свѣту, что Леонтина не имѣетъ ни знанія, ни вкуса.

Леонтина встрѣтилась въ Собраніи съ тѣмъ мущиною, которой нѣкогда обѣдалъ вмѣстѣ съ нею, и которой не давно возвратился изъ чужихъ краевъ, гдѣ науки и любопытство удерьали его два года. Онъ поклонился Леонтинѣ съ выраженіемъ удовольствія, Леонтина отблагодарила пріятною улыбкою. Ипполитъ — такъ назовемъ сего мущину — замѣтилъ въ Леонтинѣ новыя прелести: ловкость, которой она не имѣла, величавость, которую придаетъ чувствованіе своего достоинства; непринужденность, которая пріобрѣтается въ свѣтѣ. Ипполиту чрезвычайно хотѣлось поговорить съ Леонтиною; искалъ случая, и нашелъ. Умъ ея, обогащенный новыми познаніями, и любезность, заимствованная въ хорошихъ обществахъ, плѣнили Ипполита. Онъ просилъ Леонтину о дозволеніи пріѣхать къ ней — получилъ его, и не замедлилъ воспользоваться имъ.

Въ обществахъ Леонтина отличалась спокойствіемъ, важностію, и равнодушіемъ, которыя при этомъ случаѣ подаютъ выгодную мысль о воспитаніи — даже о характерѣ; дома Леонтина была такъ привѣтлива, такъ ласкова, такъ внимательна, что каждой изъ гостей хотѣлъ уѣхать послѣднимъ.

Ипполита приняли съ изъявленіемъ того удовольствія, которое чувствуемъ, когда утверждаемъ знакомство съ человѣкомъ, предупредившимъ насъ въ пользу свою при первой встрѣчѣ.

Бывая у Леонтины — наконецъ такъ часто, какъ только дозволяла благопристойность — Ипполитъ не терялъ милой хозяйки изъ виду ни на минуту. Онъ не рѣдко заставалъ ее одну, въ тишинѣ кабинета, съ книгами или работою. Всегда и вездѣ Леонтина казалась ему женщиною превосходною. Онъ старался пріобрѣсть полную ея довѣренность, — совершенное дружество.

Леонтина полюбила образъ мыслей Ипполитовыхъ; отдавала справедливость уму и свѣдѣніямъ Ипполита; усматривала въ немъ прекрасныя качества душевныя; съ восхищеніемъ слушала пріятныя повѣствованія его о путешествіи своемъ, и съ чистосердечіемъ, которое не оставляло ее вовѣки, сказала наконецъ Ипполиту: „Вы нравитесь мнѣ болѣе всѣхъ мущинъ.“

Щастливый Ипполитъ бросился къ ногамъ ея; слезами радости открылъ тайныя чувствованіи сердца своего; выразительнѣйшее безмолвіе заступило мѣсто языка краснорѣчивѣйшаго — и чрезъ нѣсколько дней скромный Ипполитъ назвался торжественно супругомъ чистосердечной Леонтины.

Въ свѣтѣ узнали — на зло людямъ съ мѣлкими страстями — что Леонтина была лучшею женою, лучшею матерью, лучшею хозяйкою, — была щастлива совершенно; и въ каждомъ домѣ, въ каждомъ семействѣ завидовали ей *чистосердечно.*

Неожиданная развязка ожидаемаго успѣха.

Можетъ статься не всѣмъ, но безъ сомнѣнія очень многимъ извѣстно, что есть люди, которые не будучи *злыми*, готовы сдѣлать вамъ *зло*, не зная сами для чего, или покрайней мѣрѣ не доказавъ себѣ напередъ *пользы*, отъ того ими ожидаемой; равно какъ есть другіе люди, которыхъ не льзя назвать *совершенно глупыми*, но которые удивляютъ васъ *вѣчными глупостями* въ своихъ поступкахъ. И первыхъ и послѣднихъ найдете между мущинами и женщинами, въ столицахъ и провинціяхъ, во всякихъ лѣтахъ и во всякомъ состояніи.

„Но кто захочетъ искать такого сокровища?“ — Извините! я первый; а потомъ захотите и вы, ежели только будете имѣть терпѣніе выслушать слѣ-

дующее повѣствованіе не совсѣмъ вымышленнаго происшествія.

Пламиръ былъ влюбленъ въ Камилу; влюбленъ годъ, два и три — но Пламиръ ни одного слова не сказалъ Камилѣ о любви своей. Вѣроятно, что глаза его говорили: ибо этотъ языкъ не всегда у насъ подъ властію; къ тому же Пламиръ былъ стихотворецъ, и писалъ Камилѣ на разные случаи мадригалы, безъ сомнѣнія не холодные: ибо чувство ему внушало ихъ. Камила могла знать о страсти Пламира; по крайней мѣрѣ уста его безмолвствовали.

„Для чего?“ спросите иронически, если не ошибаюсь. — Для того, что онъ находилъ такія преимущества на ея сторонѣ, какихъ не имѣлъ на своей . . . . Обыкновенному самолюбію они бы не показались преградами въ благословенную страну Эльдорадо, и потому-то отважные путешественники легкомысленнаго свѣта не рѣдко приносятъ изъ нее

подъ кровъ Гименея вмѣсто чистаго золота и драгоцѣнныхъ алмазовъ простые кремни и простой песокъ. . . . Осмотрятся — но уже пособишь нечѣмъ! . . .

Но самолюбіе Пламира было совсѣмъ другаго рода: онъ полагалъ *эту* великую пружину всѣхъ дѣлъ человѣческихъ — по большой части не великихъ — въ точной, безпристрастной оцѣнкѣ самого себя, для того чтобы *излишествомъ цѣны* не содѣлаться *дешевле*; для того чтобы *пріобрѣтать* ея возвышеніе; для того, наконецъ, чтобы дѣйствительно *стоить* чего-нибудь — однимъ словомъ: Пламиръ имѣлъ о самолюбіи надлежащее понятіе . . . . которое цѣлому свѣту даетъ Вольтеръ въ однихъ прекрасныхъ стихахъ, извѣстныхъ цѣлому свѣту. — Камила была чрезвычайно богата, а Пламиръ очень недостаточенъ.

И такъ онъ молчалъ, и съ тѣмъ, чтобы промолчать весь свой вѣкъ —

если можно! скажете. — Не всякому, но можно. Скромный, почтительный любовникъ не ласкалъ себя ни чѣмъ и никогда; важная и благоразумная Камила не подавала къ тому никакого повода; но перестать любить не зависѣло отъ Пламира. Онъ былъ нѣженъ, чувствителенъ и поэтъ; слѣдовательно существенность замѣнялась мечтою, мечта заступала мѣсто существенности — и *любовь* жила, питалась, возрастала.... Кто знаетъ, дѣйствительно, какъ бы она кончилась, если бы не услужила ей — *вражда*.

Пламиръ возвратился съ путешествія, на которое употребилъ онъ цѣлый годъ, и которое предпринималъ для двухъ довольно важныхъ причинъ: для любопытства, обогащающаго разумъ идеями, а сердце ощущеніями, и для разсѣянія меланхоліи, которой часто предавался, и которая, говорятъ, тѣмъ опаснѣе, чѣмъ сладостнѣе. Пламиръ видѣлъ многое, пользовался всѣмъ, что

мѣста и люди предлагали ему; описывалъ все, что казалось для него достойнымъ примѣчанія — словомъ: занималъ всѣ свои физическія и моральныя способности, обращенныя къ одной и единственной цѣли — къ любопытству и разсѣянію.

Но Пламиръ возвратился съ тѣмъ же чувствомъ любви, съ которымъ и поѣхалъ — то есть всѣ *Камилы* новыхъ для него странъ *усиливали* чувство любви Пламира къ *его* Камилѣ; ибо онъ находилъ *части* ея въ каждой, на нее похожей; но не нашелъ ни одной *во всемъ* ей подобной. Какъ мы охотно отдаемъ всѣ преимущества тому, что *присвоится* нашимъ сердцемъ! И какъ бываетъ сердце упрямо, упорно въ нѣкоторыхъ случаяхъ — именно въ тѣхъ, о которыхъ здѣсь говорится!

Пламиръ любилъ по прежнему и прежнюю; видѣлся какъ и прежде съ Камилою почти каждый день — и только.

Пламиръ открывался мнѣ, что онъ даже не хотѣлъ ничего болѣе; что онъ страшился всякой перемѣны въ своемъ состояніи; что привычки были для него чрезвычайно важная вещь; что всякая новость въ его жизни угражала ему какимъ-то непріятнымъ безпокойствомъ, и что наконецъ онъ желаетъ лучше лишиться одного главнаго удовольствія, нежели всѣхъ прочихъ . . . . Онъ не продолжалъ далѣе.

Свойство такого человѣка, какъ Пламиръ, есть свойство душъ мирныхъ и воображенія кроткаго. Такому человѣку нужно, чтобы воображеніе и душа его имѣли постоянный предметъ, который бы возбуждалъ ихъ къ тихой дѣятельности, и непрестанно. Такимъ людямъ принадлежитъ то, что сказано въ сихъ стихахъ великаго Поэта:

S'occuper, c'est savoir jouir;
L'oiſiveté pese et tourmente:
L'ame est un feu qu'il faut nourrir,
Et qui s'éteint s'il ne s'augmente.

Къ тому же Пламиръ всегда помнилъ законодавца и мудреца Солона, которому чрезвычайно хотѣлось, чтобы *бракъ не былъ торговлею.*

Мы пропустили - было сказать, что многіе *угадывали* склонность или страсть Пламирову — и не мудрено, что - было пропустили: онъ самъ нимало не заботился о томъ. Почтеніе и скромность, которыя оказывалъ Пламиръ Камилѣ, служили для нее Минервинымъ щитомъ противъ покушеній дерзкаго злословія. Но въ числѣ сихъ многихъ угадчиковъ была одна женщина, болѣе всѣхъ замѣчавшая поступки Пламира; а особливо послѣ того, какъ онъ возвратился изъ путешествія, — женщина ни почему не имѣвшая права на отмѣнное вниманіе Пламирово, но имѣвшая все требованіе на оное. Это не рѣдко случается — скажемъ къ ея извиненію, и посмотримъ, извинительна ли она будетъ далѣе.

„Онъ вѣрно пересталъ любить се!“ думаетъ эта проницательная женщина:

И

„время и развлеченіе исцѣлили болѣзнь сердца его безъ сомнѣнія“ — продолжаетъ думать угадчица — „отсутствіе возвратило ему спокойствіе и разсудокъ“ — говоритъ она утвердительно самой себѣ — и не спускаетъ съ Пламира быстрыхъ глазъ своихъ. Но, ахъ! глаза Пламира устремлены на Камилу! Камила то же, что и была, для глазъ его и сердца! Пламиръ былъ тѣмъ же, чѣмъ и прежде! . . . Жестокая досада! она вывела наблюдательницу изъ терпѣнія — и въ одинъ день рѣшила ее говорить. . . .

Кстати или не кстати, только она сказала Пламиру рѣшительнымъ голосомъ: „Вы дурачитесь! вы смѣшны!“ (Надобно замѣтить, что Пламиръ и Камила были ей давно и коротко знакомы, и что она принадлежала именно къ тѣмъ людямъ, портретомъ которыхъ мы начали свое повѣствованіе.) „Такъ; вы дурачитесь, вы смѣшны, любя Камилу, которая и не думаетъ объ васъ, которая нимало не занимается вами и которою — за это

ручаюсь, въ этомъ поклянусь — никогда не будете любимы!“

Пламиръ удивился. „Положимъ,“ говоритъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія „что я влюбленъ въ Камилу; но скажите, прошу васъ, какъ я дурачусь и почему смѣшенъ?“ Вмѣсто отвѣта на вопросъ, услужливая знакомка продолжала съ презрительною улыбкою, протяжнымъ голосомъ: „Камила говоритъ, какъ смѣть Пламиру и помыслить. . . .“ — Она это говоритъ? перервалъ — Пламиръ съ жаромъ. — „Нѣтъ! . . . я не слыхала отъ нее. . . . я заключаю. . . .“ — Изъ чего? — Опять вмѣсто отвѣта — повтореніе сказаннаго и недосказаннаго. — Вы хотите огорчить меня, и оскорбляете Камилу; хотите мнѣ внушить дурное мнѣніе объ ней, вооружить меня противъ нее, и не успѣете. — „Какъ? . . . . почему?“ — Вы предполагаете, будто она можетъ дозволить себѣ такія слова, такую несправедливость, такой поступокъ, которые до-

крайности предосудительны! вы обижаете ее, и безвинно. По вашей милости она *дурачится*, она *смѣшна*, а я совершенно въ сторонѣ; она заслуживаетъ все нареканіе, а я нимало; у нее спросятъ: „Сохраняю ли должное къ ней уваженіе? остаюсь ли въ границахъ скромности?“ И на отвѣтъ ея, для меня благопріятный — ибо другаго не можетъ быть — всякой скажетъ ей, или подумаетъ: „Вы не имѣете уваженія къ самой себѣ; вы не скромны на собственный счетъ!“ Хорошо ли это? За себя не вступаясь, но за Камилу. . . . сохрани васъ Богъ! — „Я ничего не слыхала. . . . я только такъ думаю. . . . я говорю свои мысли. . . .“ — Отъ которыхъ кто-нибудь изъ насъ трехъ страдаетъ только одинъ — я, или Камила, или вы сами. . . . и послѣднее всего вѣрнѣе. —

Усердная жрица богини раздора сердилась, а Пламиръ смѣялся. Онъ сказалъ ей въ *утѣшеніе*, что постарается узнать истину; что сдѣлаетъ извѣст-

нымъ разговоръ ихъ Камилѣ. Это уже не шутка; но нѣкоторыя женщины въ досадѣ сомолюбія не страшатся никакой опасности, отваживаются на все; и слова Пламировы, сказанныя очень удостовѣрительно, не испугали нашу *Роландину;* ибо мы подозрѣваемъ эту особу въ другомъ еще движеніи, въ другомъ чувствѣ, кромѣ раздраженнаго самолюбія; и я симъ именемъ называю героиню во вкусѣ Аріоста.

Что сказалъ Пламиръ, то и сдѣлалъ. Вскорѣ послѣ бесѣды съ *Роландиною* онъ увидѣлся опять съ нею въ домѣ у Камилы. Пламиръ не замедлилъ объявить просто о послѣднемъ своемъ разговорѣ съ Роландиною, — отъ слова до слова, со всѣми подробностями, обо всемъ кромѣ именъ, и отдался на судъ Камилы. Трудно ли было ей узнать по нѣкоторымъ чертамъ портреты — свой и Пламировъ? Дѣло рѣшено было въ пользу истины и разсудка, но не кончилось симъ рѣшеніемъ. Камила

нашла большое достоинство въ образѣ мыслей Пламира, въ его правилахъ, въ его поведеніи, которые обнаружились при этомъ случаѣ съ особенною для нее прелестію; была тронута до глубины сердца тѣмъ благороднымъ чувствованіемъ, съ которымъ Пламиръ вступался за честь *Камилы;* плѣнилась рѣдкимъ безкорыстіемъ видовъ и поступковъ его въ такомъ отношеніи, которое почти никогда не бываетъ безкорыстнымъ; и съ этой нечаянной и благополучной для Пламира минуты, Камила, умная, нѣжная, умѣющая цѣнить всѣ вещи, перемѣнила совершенно обращеніе съ Пламиромъ; она стала оказывать къ нему все уваженіе, которое онъ заслуживалъ; вниманіе стало оказываться склонностію; склонность. . . . ободрила Пламира, очаровала его, воспламенила еще болѣе — и въ одно щастливое мгновеніе Пламиръ забылъ о своихъ *привычкахъ*, о своемъ *страхѣ* и проч., упалъ къ ногамъ Камилы, и открылся въ любви своей, самой чистой, самой постоянной,

самой твердой — чего не имѣешъ обыкновенная *страсть* людей обыкновенныхъ.

Нужно ли прибавить, что открытіе въ любви увѣнчалось желаемымъ успѣхомъ, и что Пламиръ и Камина были щастливѣйшими супругами — чему *орудіемъ служила ихъ противница?* Нужно ли повѣствователю прибавить къ сему нѣкоторыя размышленія, принадлежащія самимъ читателямъ? Но вотъ что нужно прибавить: Роландина въ горестной своей неудачѣ — заставитъ Пламира содѣлаться новымъ бѣшенымъ Роландомъ и слѣдовательно подойти къ ней подъ пару — Роландина, бѣсившаясь до изступленія, не имѣла столько своего поэта, которому она доставила бы въ особѣ своей прекрасное содержаніе для забавной сказки.

Аделаида и Аристонъ,

или

Колонисты.

Въ прелестномъ Крыму, на полуденномъ берегу Чернаго моря — тамъ, гдѣ разрывается длинная цѣпь ужасныхъ горъ передъ высочайшею изъ нихъ, *Чатырь-Дагомъ*, въ тѣни фиговыхъ, гранатовыхъ, персиковъ и абрикосовыхъ деревьевъ, на веселой долинѣ, при журчайшей между цвѣтами и зеленью изгибистой рѣчкѣ, подъ меланхолическимъ шумомъ необозримаго бассейна стоитъ уединенно красивый домикъ, ласкаемый нѣжными зефирами и окруженный виноградными садомъ: жилище достойное мудраго и добраго! За то мудрымъ и добрымъ принадлежитъ щастливое жилище, несравненно прекраснѣйшее въ натурѣ, нежели въ описаніи, нежели въ картинѣ — хотя бы самого Пуссена,

самого Геснера. Я васъ познакомлю съ хозяевами, и спрошу потомъ, какое собственное ваше объ нихъ мнѣніе.

Имена будутъ — какъ иначе и не льзя — романическія, не смотря на истину происшествія.

Аделаида вышла за Аристона не для того, чтобы онъ возвысилъ ея фортуну, родъ, или открылъ поприще свободы, обыкновенной въ поступкахъ замужней свѣтской женщины, а для того, что она знала Аристона и нашла его точно по сердцу. Аристонъ женился на Аделаидѣ не потому только, что она была хороша лицомъ, стройна, ловка, умѣла прекрасно танцовать и играть на фортопіяно, или въ отмщеніе другой женщинѣ, отказавшей ему въ рукѣ своей, а потому, что въ слѣдствіе долговременныхъ и прилѣжныхъ опытовъ надъ характеромъ Аделаиды, нашолъ ее по душѣ совершенно.

Образомъ мыслей, вкусами и чувствами они были такъ сходны, какъ первыя буквы именъ, данныхъ имъ повѣствователемъ. Они смотрѣли на всѣ вещи одинакими глазами, при всякомъ предметѣ, во всякомъ случаѣ думали одинаково — и это весьма вѣроятно. Не уже ли два человѣка въ цѣломъ мірѣ не могутъ одинаково мыслить и чувствовать; любить и нелюбить одно и то же — словомъ, быть во всемъ нравственномъ какъ одинъ человѣкъ, съ нѣкоторыми оттѣнкамя безъ сомнѣнія, но оттѣнками почти ничего не значущими въ полной картинѣ? И если такіе два человѣка существуютъ — и легко еще статься можетъ, что мущина и женщина — то имъ остается — самая трудная вещь конечно — встрѣтиться; потомъ чаще видѣть другъ друга и наконецъ соединиться: это первая глава исторіи моихъ героевъ; исторіи, которую буду разсказывать со всею точностію и простотою историка.

Родясь подъ щастливымъ вліяніемъ одного и того же созвѣздія, супруги стали ввѣрять другъ другу сокровеннѣйшія свои мысли, чувства; свѣтъ и люди были имъ знакомы довольно; ихъ воспитаніе не выходило изъ обыкновеннаго круга, въ которомъ заключается общее воспитаніе; но природа распространила его предѣлы, и вмѣстила въ нихъ неоцѣненные дары свои: силу души и постоянство сердца — дары, безъ которыхъ нѣтъ щастія въ самомъ щастіи и никакого спасенія въ злополучіи! Слабая душа и вѣтренное сердце не допускаютъ человѣка быть — человѣкомъ; изъ гордаго властелина вселенной содѣлываютъ его ничтожнымъ рабомъ случаевъ. Но совсѣмъ противный этому примѣръ увидимъ въ Аделаидѣ и Аристонѣ.

И такъ они обладали силою души и постоянствомъ сердца; умомъ и разсудкомъ — должно прибавить. Первую зиму своего супружества Аделаида и Аристонъ прожили въ столицѣ, первое лѣ-

но въ деревнѣ. На другой годъ также, на третій также. *Также* бываетъ очень хорошо, если оно соотвѣтствуетъ нашему желанію; иначе бываетъ до крайности тягостно. Часто наши супруги разговаривали, какъ и многіе люди, о жизни и ея удовольствіяхъ; повтореніе однѣхъ и тѣхъ же мыслей углубляло впечатлѣнія чувствованій при этомъ случаѣ — и однажды съ особенною рѣшительностію произнесли супруги наши слѣдующій приговоръ:

„Что такое *общество?* собраніе людей, которые ни почему не уважаютъ другъ друга; которые тайно во всемъ другъ другу завидуютъ, а явно всему принуждаютъ другъ друга завидовать себѣ; изъ которыхъ каждый предпочитаетъ себя другому, каждый по корысти наружно унижается передъ другимъ, а по гордости внутренно унижаетъ другаго передъ собою; изъ которыхъ каждый одному себѣ приписываетъ всѣ преимущества, каждый почитаетъ себя достой-

нѣйшимъ другаго, и никто не сообщаетъ
другъ другу своихъ познаній, своихъ добро-
дѣтелей; которые смѣются другъ надъ
другомъ, злословятъ другъ друга, и ни-
кому не придетъ на мысль, что онъ
самъ смѣшенъ и золъ. Карты заступа-
ютъ мѣсто разговоровъ, полезныхъ или
пріятныхъ. Истинный умъ и любезныя
качества въ обществѣ самомъ избран-
номъ — ничто. Ему надобны *каламбуры* и *буфонство*. — Что такое *зна-
комства?* скучныя посѣщенія, очередные
обѣды и ужины, тягостныя мѣлочныя
обязанности, отнимающія драгоцѣнное
время; наконецъ вѣчное принужденіе. —
Что такое *спектакли?* подражаніе на-
турѣ, которую никакъ не узнаешь въ
немъ. На одного изряднаго актера де-
сять дурныхъ; на одну изрядную піесу
сто дурныхъ — и потому лучше гораз-
до читать нѣкоторыя піесы, и вообра-
жать всякаго актера по своему. — О
балахъ и *концертахъ* разсуждать не-
чего: для перваго нужны только однѣ
ноги, для другаго уши — остаются
лишними.

„Это забавы городовъ; но забавы деревень и того хуже. Нещастная суетность жить въ деревнѣ какъ въ городѣ, достойна жалости. Молодыя дамы нарядятся, съѣдутся, усядутся — на одну минуту: оглядѣвши другъ дружку, похвастивши *модами*, начнутъ, занеимѣніемъ дѣла и разговора, переходить изъ комнаты въ комнату. Пожилыя бродятъ по слѣдамъ ихъ какъ тѣни, и неприносятъ ни другимъ, ни себѣ пользы своими опытами. За то мущины всѣхъ лѣтъ во весь день не пошевелятся съ мѣста; жертвуютъ цѣлымъ днемъ *бостону, висту*, или цѣлые часы прокричатъ о собакахъ, о лошадяхъ — и только. Нѣтъ совершенно никакой пріятности въ нашихъ сельскихъ время-провожденіяхъ. Ѣсть, пить и зѣвать: другаго ничего неостается для *той*, которая не можетъ бѣгать по дому, — для *того*, который не можетъ заняться карточною игрою, или охотническими спорами (*). Но въ городѣ и въ

(*) Разгоряченное воображеніе обыкновенно описываетъ все слишкомъ рѣзкими чертами:

деревнѣ никуда не выѣзжать, ни съ кѣмъ не знаться — странно и трудно. . . . Избѣжимъ, другъ мой!“ прибавила Аделаида „этой странности и этой трудности, и вотъ какъ: выберемъ на землѣ уголокъ, гдѣ могли бы мы существовать по своимъ мыслямъ, чувствамъ, склонностямъ и вкусамъ; гдѣ не зависѣли бы мы ни отъ кого и ни отъ чего, кромѣ себя собственно.“ — Охотно! — сказалъ Аристонъ съ живостію удовольствія — но только въ своемъ отечествѣ. — „О конечно!“ сказала Аделаида.

И съ этаго времени намѣреніе *переселиться* принято было ими твердо, и созрѣвало такъ быстро, какъ растенія на поляхъ Сѣвера, возсіявшаго огненными лучами лѣтняго солнца. Оставалось только *избрать уголокъ* — и Крымъ, волшебный, очаровательный Крымъ подъ перомъ путешественниковъ, которыхъ

колонистамъ моимъ надлежало имѣть разгоряченное воображеніе. Извинимъ ихъ.

будущіе колонисты помнили наизусть, обратилъ на себя все ихъ вниманіе. — „Крымъ, полуденный берегъ его и какая-нибудь долина, которую назовемъ отъ себя и для себя *долиною любви и нѣжности* (*), должны быть нашимъ убѣжищемъ, нашимъ жилищемъ!“ воскликнули рѣшительные супруги — и приступили къ исполненію романическаго своего намѣренія.

Друзья и родственники — тѣ и другіе большею частію по одному только имени, какъ почти обыкновенно бываетъ въ свѣтѣ — удивлялись, распрашивали и ничего не понимали. — Оставить свѣтъ, родныхъ, друзей и переселиться въ дикой, пустынной, отдаленной край!... — На всѣ сіи восклицанія супруги отвѣчали самымъ скромнымъ, самымъ вѣжливымъ образомъ, но ничто не помогало. — „Чудные люди!“ было началомъ и концемъ возра-

(*) Имя, которое далъ Путешественникъ въ Полуденную Россію долинѣ Байдарской.

женій. Но *чудные люди* — въ нѣкоторомъ смыслѣ, и *благоразумные* въ другомъ — непоколебались нимало; продали все свое имѣніе, накупили нужныхъ вещей для новаго домоводства, запаслись книгами, и въ лучшее время года, весною, отправились въ путь.

Сколь онъ былъ продолжителенъ, нѣтъ нужды знать. Странники наши объѣхали весь Крымъ; все повѣряли собственными глазами; сравнивали одно мѣсто съ другимъ, однѣ пріятности съ другими, одну выгоду съ другою, и предпочли выше описанное жилище всѣмъ прочимъ на прелестномъ полуостровѣ.

Не входя въ подробности, увѣдомимъ, что романическіе наши колонисты стали покойными обладателями того домика, того сада и на томъ мѣстѣ, о которыхъ мы сказали, и что въ первые дни новой своей жизни въ новомъ для нихъ мірѣ, съ новыми идеями, съ новыми ощущеніями, они уподоблялись первому чело-

вѣку и первой женщинѣ, еще невиннымъ, достойнымъ щастія, въ раю Мильтоновой кисти (*). Ахъ! если бы мои герои остались навсегда невинными, навсегда достойными щастія!... Но они — останутся! успокойтесь, добродушные читатели!... Можетъ быть надлежало бы сказать *мнимые* читатели!... Какой однакожь писатель не имѣетъ *своихъ* читателей!

И такъ пойду передъ моими по слѣдамъ нежданыхъ гостей щедрой природы; по слѣдамъ ихъ дѣятельности, забавъ и проч. и проч.

Къ романтическому ихъ домику принадлежала еще маленькая деревня, населенная добрыми Тартарами. Новые владѣльцы раздѣлили между собою предметы хозяйства. Аделаида взяла на себя попе-

(*) Но только не въ *раю глупцовъ*, имъ же описанномъ, къ упреку Поэта.

ченіе о скотоводствѣ, Аристонъ о хлѣбопашествѣ. Они радовались какъ дѣти наступающими своими упражненіями, и полезными и пріятными. Съ первыми лучами прекраснаго крымскаго солнца оставляли ложе любви и нѣги, выходили къ мѣстамъ сельскихъ своихъ должностей и — подобно Нумѣ и Эгеріи — вникали въ таинства *производящей* натуры; отдавали приказанія, дѣлали распоряженія, и передъ знойнымъ полуднемъ возвращались подъ мирный, прохладный кровъ свой. Это время было временемъ ихъ небесной роскоши: сладостное отдохновеніе, сердечная бесѣда, книги и рукодѣліе занимали щастливѣйшихъ людей на земномъ шарѣ.

Когда Аделаида шила въ пяльцахъ, Аристонъ читалъ вслухъ Историковъ, древнихъ и новыхъ, которые писали о любопытныхъ перемѣнахъ — ... мрачныхъ, то блестящихъ — въ судьбѣ и народахъ Крыма; и соединеніе басенъ съ истиною придавало неизъяснимую пре-

леетъ чтенію и мечтамъ на самомъ театрѣ происшествій.

Ввечеру работа въ саду, или верховая прогулка по сосѣдственной долинѣ, на которой извивается томный Салгиръ, приносили нашей Аркадской четѣ удовольствія совершенно *буколическія*. Часто, сидя на пушистомъ берегу Крымскаго Воклюза, или у пещеры, изъ которой вытекаетъ онъ, любовники-супруги повторяли прекрасные стихи Путешественника-Поэта; стихи, которые содержали въ себѣ ихъ собственную исторію:

Герой въ вѣнцѣ и Царь въ порфирѣ
Судьбою бѣдны предо мной:
Герой великъ, я щастливъ въ мірѣ;
Царю заботы, мнѣ покой.

*

Для гордыхъ мило чувство славы;
Милѣе мнѣ любовь сердецъ.
За часъ любви, за мигъ забавы
Отдамъ безсмертія вѣнецъ.

*

Родись подъ щасливой звѣздою;
Не будь ни знатенъ, ни пригожъ:
Любимъ ли ты? тогда судьбою
Поставленъ выше всѣхъ вельможъ.

*

Мнѣ на роду судьба сказала:
„Останься жить среди цвѣтовъ!“
Въ тѣни мнѣ дружбу указала,
И въ тихомъ уголкѣ любовь.

*

Такъ буду вѣкъ мой въ скромной долѣ,
Безъ славы, шума и оковъ,
Любить, мечтать и пѣть на волѣ,
Подъ шумомъ рѣчекъ и стиховъ.

*

И здѣсь, и здѣсь съ волной Салгира
Текутъ пріятно волны дней;
Со мной другъ сердца (*), книжка, лира —
Нѣтъ лучшихъ благъ и для Царей!

*

(*) Любезный Авторъ не разсердится конечно на героевъ моихъ за *нужныя для нихъ* маленькія перемѣны въ его стихахъ.

Тамъ въ дикихъ ужасахъ природы
Блеститъ улыбка красоты,
И съ ней живущіе народы
Хранятъ въ себѣ ея черты.

✠

Тамъ горы спорятъ съ облаками,
Бросая громъ къ своимъ ногамъ;
Играютъ временемъ, вѣками
И пишутъ древность міра намъ.

✠

А здѣсь прекрасныя долины
Въ движеньи водъ, въ игрѣ цвѣтовъ
Рисуютъ для очей картины,
Для сердца щастье и любовь.

✠

Тутъ будемъ въ мирѣ наслаждаться,
Ловить съ зарей любезныхъ взоръ;
На нихъ съ природой улыбаться, —
То слушать ихъ, то птичекъ хоръ.

✠

Тутъ будемъ вмѣстѣ съ пастухами
Въ лугахъ за стадомъ рвать цвѣты;
Пастушекъ украшать вѣнками,
И пѣть имъ щастье простоты.

За послѣднимъ куплетомъ слѣдовали обыкновенно огненные поцѣлуи нѣжной страсти, а не рѣдко вздохи и слезы умиленія. Задумчивая луна сопутствовала задумчивымъ отъ восторговъ и наслажденій — Петраркѣ и Лаурѣ нашего вѣка, но гораздо щастливѣйшимъ давно минувшаго; сопутствовала при вторичномъ ихъ возвращеніи въ жилище, гдѣ ожидали ихъ фортопіано и романсы.

Въ большіе праздники нечестолюбивые владѣтели давали маленькіе пиры своему народу, который почитали они своею семьею, и съ которымъ веселились отъ добраго сердца.

Такимъ образомъ провождали любовники-супруги весну и лѣто; и каждую осень — лучшее изъ четырехъ временъ года подъ благословеннымъ небомъ Крыма, *когда безоблачная ясность царствуетъ въ воздухѣ, земля украшается всѣми произведеніями, зрѣлые плоды гнетутъ дерева, богатая жатва покрываетъ по-*

ля, собираніе винограда разливаетъ, подобно благодѣтельному соку его, общую веселую живость — брали страннические посохи, Геродота, Страбона, Плинія, Палласа, Сестренцевичеву Исторію о Тавридѣ, Путешествія Измайлова и Сумарокова, Баброву Поэму *Таврида*, и отправлялись пилигримствовать (но только не пѣшкомъ) по Тавридѣ, по ея горамъ и равнинамъ, между ея безднами и развалинами; не оставалось ни одного привлекательнаго предмета, ничего любопытнаго безъ новыхъ изслѣдованій, приносившихъ новыя удовольствія. Аделаида и Аристонъ, достойные зрители изящнаго зрѣлища, обращали поминутно взоры свои отъ онаго къ другъ другу, заглядывали въ книги, разсматривали рисунки, сличали съ подлинниками, и послѣ безмолвныхъ восхищеній говорили въ одинъ голосъ: „Точно такъ! . . . прекрасно, величественно, ужасно, очаровательно, несравненно!“

Съ гордымъ чувствомъ превосходныхъ своихъ наслажденій, отдыхая на

ушествомъ берегу Чернаго моря, под-
разрушившимися стѣнами какого-нибудь
славнаго города, они думали и говорили:

„Нѣсколько часовъ при благопріят-
номъ вѣтрѣ — и неприступныя башни
Константинопольскаго Гарема явятся гла-
замъ, и Европа кончится для плаватe-
ля. Онъ взглянетъ на Азіятскій берегъ
Скутари или Хризополиса, и вспомнитъ
Храмъ Любви, сооруженный въ Генріадѣ:

Sur les bords fortunés de l'antique
Jdalie,
Lieux où finit l'Europe et commence
l'Asie.

„Но чего онъ не вспомнитъ? Вто-
рая Имперія Рима, десять столѣтій
нераздѣльно царствовавшаго надъ всѣми
Имперіями во вселенной; новые великіе
Государи его, ихъ политика, ихъ зако-
ны, ихъ учрежденія; цвѣтущее состоя-
ніе Византійской литературы, знаме-
нитыя и любезныя имена: Юстиніана,
Велизарія, Льва Мудраго, Константина

Порфиророднаго, Фотія многоученнаго, Царицы Евдокіи, Царевны Анны Комниной, и проч. и проч. — все это предстанетъ мыслямъ его и сердцу. Сколько пищи сердцу и мыслямъ!

„Съѣздимъ, другъ мой, въ Константинополь!“ говорила Аделаида. Съѣздимъ — отвѣчалъ Аристонъ. — „Когда же?“ — Когда поубавится той *пищи*, которую имѣемъ еще въ избыткѣ. — „Соглашаюсь.“

И согласные супруги — феноменъ не самый обыкновенный — по прошествіи мѣсяца опять въ тихомъ, безмятежномъ своемъ владѣніи работали, гуляли, играли, пѣли, читали и грѣлись у пылающаго камина, который помогалъ имъ сокращать коротпкую и легкую Крымскую зиму, но всегда довольно длинную для любителей природы, умерщвляемой и самою легкою зимою.

Ею оканчивается мое повѣствованіе — и только повѣствованіе, а не ра-

ости и щастіе моихъ героевъ. Но мо-
етъ быть я долженъ, подобно какъ
Жан-Жакъ Руссо говоритъ читателю
Новой Элоизы, или посѣтителю Веве,
казать новымъ любопытнымъ путе-
ественникамъ въ щастливой странѣ
Крыма: „Не ищите моихъ колонистовъ!“

Прибавлю еще слово. Я говорилъ:
романическое намѣреніе, *романическіе*
колонисты, *романтическій* домикъ; и
прашиваю однакожь, если въ исторіи
ихъ людей такой *романъ* или *роман-*
измъ, который былъ бы достоинъ на-
мѣшливой улыбки, или основательнаго
порицанія? и не находите ли моихъ . . . .
„Вымышленныхъ героевъ!“ — Извольте ....
не находите-ли, говорю, *мудрыми* и *доб-*
рыми? Спрашивать о возможности силъ
такой доброты и такой мудрости, зна-
чило бы оскорблять человѣчество.

„Но все вдвоемъ, да вдвоемъ — на-
конецъ можно смертельно соскучиться?“
Но они *супруги*: черезъ годъ ихъ было

трое, черезъ два четверо, и такъ далѣе; а съ своими дѣтьми, даже маленькими, право гораздо веселѣе, нежели съ иными взрослыми, даже переросльми. Пріятныя заботы воспитанія, вмѣстѣ съ общимъ домашнимъ щастіемъ, не оставляютъ желать такъ называемыхъ разсѣяній — ссылаюсь на всѣхъ, уважающихъ обязанности свои, отцовъ и матерей.

Я не опасаюсь затрудненія, въ которомъ находился молодой Форстеръ, когда явилось къ нему шестеро Англичанъ и Англичанокъ за совѣтами и наставленіями для путешествія въ Отаити, плѣнившій ихъ прекраснымъ его описаніемъ до такой степени, что они вознамѣрились ѣхать туда и остаться тамъ съ семействами своими на цѣлый вѣкъ; я не опасаюсь такого затрудненія. Оно случиться со мною ни по чему не можетъ. Но подобно Форстеру, я не сдѣлалъ бы никакого *замѣчанія*, неблагопріятнаго желанію тѣхъ, которые взду-

мали бы поселиться на полуостровѣ Крымскомъ, стоющемъ острова Калипсы, и заключающемъ въ себѣ сады Армиды, Темпейскія долины, Альпійскія горы, Рейнскіе водопады и Воклюзскіе источники.

„Но что же будетъ съ дѣтьми пустынной четы, когда они выростутъ? Ихъ состояніе не уподобится ли состоянію дикихъ?“ — Извините! сынъ женится, а дочь выдетъ за-мужъ: Крымъ еще не *Отаити*. Въ Крыму есть *помѣщики* и *чиновники* Рускіе, или лучше сказать всѣхъ націй. Многіе весьма съ хорошимъ воспитаніемъ и умѣютъ жить очень весело. *Дѣти* заставятъ *родителей* искать пріятныхъ знакомствъ, и *новая колонія* распространится, подобно всѣмъ прочимъ.

Двѣ хитрости.

Критонъ смотрѣлъ на Финету такими глазами, говорилъ, обходился съ нею такимъ образомъ, что она безъ труда угадывала его чувства, его намѣреніе. Но сіи чувства, сіе намѣреніе, или лучше онъ самъ былъ — не по-ней. Финета имѣла характеръ; вообще можетъ быть не многими замѣченный въ людяхъ, характеръ рѣдкой — не по качеству, а по количеству. На примѣръ то, что не понравилось ей *первыми чертами*; что не привлекло ея вниманія по *какому-нибудь обстоятельству*, — не могло *никогда* понравиться ей, привлечь ея вниманія: въ такомъ случаѣ она оставалась *навѣки* при *своихъ* понятіяхъ, при *своемъ* чувствѣ, не смотря на *замѣны*, на *вознагражденія* въ предметѣ, который бросился ей въ глаза со стороны *недостатковъ*. Душа ея не могла принимать разнообразныхъ впечатлѣній, или уступать одни

впечатлѣнія другихъ, не взирая на то что другія по свойству ихъ долженствовали бы восторжествовать надъ первыми. Сердце ея было лишено, такъ сказать, эластической силы, производящей способность распространять кругъ чувствованій въ случаѣ благопріятномъ, и въ случаѣ противномъ сжѣснять его.

Критонъ былъ изъ небольшаго числа тѣхъ людей, которые подъ завѣсою философіи, разсудка, мужества, осторожности тщательно утаиваютъ слабости сердца и разнѣженность души, происходящія отъ пылкаго, живаго, мечтательнаго воображенія, творящаго надъ такими людьми все, что захочетъ — вопреки даже самому ихъ желанію. Обыкновенныя въ жизни поступки, обыкновенныя дѣла на свѣтѣ зависѣли, что касается до Критона, *непосредственно* отъ случаевъ и предметовъ, управлявшихъ имъ *самовластно*. Между тѣмъ внутренняя похвальная гордость предписывала ему законъ *тщательно утаивать* состояніе души

его и сердца, когда это состояніе было въ противоположности съ *философіею*, съ *разсудкомъ*, съ *мужествомъ*, съ *осторожностію*, которыми Критону — замѣтимъ еще — чрезвычайно хотѣлось отличиться, подобно какъ и всякому человѣку, желающему именно того, чего онъ не имѣетъ. Но къ чести и утѣшенію Критона замѣтимъ также, что хорошая моральная наружность есть по крайней мѣрѣ хорошій образецъ, которымъ другіе могутъ воспользоваться для пріобрѣтенія достоинства истиннаго. Всѣ знаютъ, напримѣръ, что человѣкъ порочный, но уважающій добродѣтели, менѣе опасенъ для общества, нежели человѣкъ добродѣтельный, но тщеславящійся пороками. Лудовикъ XIV, оказывавшій почтеніе ко всему тому, что должно быть въ почтеніи между людьми, называлъ племянника своего, Герцога Орлеанскаго, *хвастуномъ въ преступленіяхъ* (*). Всѣ также знаютъ, каково было цар-

(*) Fanfaron du crime.

ствованіе Лудовика XIV и регентство Герцога Орлеанскаго. Сколько въ обществѣ подобныхъ хвастуновъ подъ разными видами!

Такъ-то сказочникъ нечувствительно переходитъ отъ малаго къ большому! Простите! возвращаюсь къ своему повѣствованію.

Критонъ влюбился въ Финету — по-уши, какъ говорится; но не будучи *близорукимъ* ни физически, ни морально, видѣлъ — къ щастію или нещастію — очень хорошо, что дѣло очень худо: нѣтъ взаимности. Онъ ожидалъ ее отъ времени; но время въ этой точкѣ не трогалось съ мѣста, — стояло какъ вкопанное! Между тѣмъ *любовь* зашла уже далеко. Чѣмъ поправить такой дурной *ходъ*, и дать ему лучшее направленіе? *Показывать довольное лицо при неудачной игрѣ.* Эта пословица могла и долженствовала быть девизомъ рыцаря Критона. И такъ (предполагаю) подъ зако-

номъ своего девиза Критонъ, черезъ годъ или два *искательности* въ Финетѣ, сталъ говорить и доказывать .... Читатель безъ сомнѣнія вспомнитъ лисицу Басни..., что для мущины свобода всего драгоцѣннѣе; что всѣ выгоды супружества на сторонѣ жены, а всѣ невыгоды на сторонѣ мужа; что мущинѣ надобно какъ можно остерегаться женитьбы; что изъ тысячи едва ли одна бываетъ для него щастливою; что даже самую щастливѣйшую онъ все купитъ слишкомъ дорогою цѣною; что онъ истинно щастливымъ можетъ быть только одинъ, только своими упражненіями; что въ обществѣ преимущества холостаго передъ женатымъ неисчислимы и проч. и проч. — Для чего онъ говорилъ и доказывалъ это? Для того, чтобы возбудить вниманіе Финеты, чтобы *духомъ противорѣчія* довести ее до *охоты разувѣрить* его *на опытѣ*. — Что же Финета? Совершенно во всемъ соглашалась съ Критономъ, принимала живѣйшее участіе въ опасности, которой подвергается мущина при женитьбѣ, под-

крѣпляла мнѣніе Критона разными примѣрами, которые знала или вымышляла. — Что же Критонъ? Отчасти удивлялся, отчасти досадовалъ, отчасти надѣялся. Для нѣкоторыхъ людей должно, чтобы во всемъ исполнилась вся мѣра.

„Какая прекрасная эпиграмма на мужа или на жену, какъ вамъ угодно, въ такомъ-то журналѣ!“ иногда скажетъ Критонъ Финетѣ, и пристально смотритъ ей въ глаза. — Я читала ее: чрезвычайно хороша! и какъ справедливо! — отвѣчаетъ она спокойнѣйшимъ образомъ на свѣтѣ. „Слышали ли вы о нещастной жизни такихъ-то новобрачныхъ?“ — Слышала. Онъ былъ, кажется мнѣ, безразсуденъ, женясь на ней для *лица* и *богатства*. Богатство и лицо не составляютъ щастія; напротивъ того бываютъ причиною семейственнаго нещастія: что въ коротское время случилось и съ тѣми, о которыхъ говорите. — „Нужны достоинства.“ — Безъ сомнѣнія, и только достоинства! — „Вы знаете развязку замуж-

ства такой-то?“ — Знаю. Она ловила его, поймала и — наказана за отважность, которая въ женщинѣ никогда не должна оставаться безъ наказанія въ этомъ случаѣ. Чины и почести совсѣмъ не кладъ въ замужствѣ. —

Въ другое время Критонъ шутилъ надъ мужьями и женами. „Какъ Сократъ ни былъ уменъ и ученъ,“ говорилъ онъ смѣясь „но Ксантиппа преподавала ему уроки терпѣнія и кротости своимъ *любезнымъ* нравомъ, который — по словамъ Философа — училъ его привыкать къ перенесенію и отъ постороннихъ *наглости* и *обиды*. Важная услуга!“ Иногда читалъ наизусть стихи изъ Буаловой Сатиры на женщинъ. Финета сама шутила, смѣялась вмѣстѣ съ Критономъ, и дочитывала Сатиру. И подобная бесѣда обыкновенно заключалась гимнами *достоинству*; а особливо Финета пѣла ихъ съ чрезвычайнымъ усердіемъ. — На что же Финета поступала такимъ образомъ? На то, чтобы какъ можно избѣгать

рѣшительнаго изъясненія, котораго она не желала, питая въ Критонѣ надежду *достоинствами*, которыя *по видимому* она всему предпочитаетъ. И Критонъ, имѣвшій дѣйствительно достоинства, полагался на нихъ довольно безпечно, и ожидалъ *щастливой минуты* довольно спокойно. . . . какъ вдругъ Финета выходитъ за-мужъ, за человѣка, который былъ *по-ней* — и тѣмъ окончилась маленькая Драма, или Комедія: въ свѣтѣ сіи два противоположные рода такъ иногда близко подходятъ одинъ къ другому, такъ бываютъ перемѣшаны между собою, что почти никакъ не льзя отдѣлить ихъ другъ отъ друга.

И такъ одна изъ двухъ *хитростей* осталась торжествующею!

К о н е ц ъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

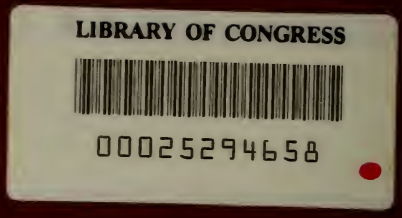
Роковое слово. - - - - 5
Адина и Теофилъ. - - - 20
Любовь и таланты. - - - 29
Полина. - - - - - - 48
Темная роща, или Памятникъ нѣжности. - - - - - - 69
Леонтина, или Торжество чистосердечія. - - - - - - 112
Неожиданная развязка ожидаемаго успѣха. - - - - - - 123
Аделанда и Аристонъ, или Колонисты. - - - - - 136
Двѣ хитрости. - - - - 158

W154

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa
Sept — Oct 1987


LIBRARY OF CONGRESS
00025294658